

ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ Г. ВИТЕБСКА.

ГЛАВА 1.

Wiadomość historyi krajowej najpierwszym powinna być celem nauki każdego obywatela.

Krasicki w Doświad.

Кѣмъ и когда именно основанъ Витебскъ, съ достовѣрностью опредѣлять невозможно. Нарбутъ полагаетъ, что Витебскъ основанъ въ весьма отдаленную эпоху жителями г. Висби (на о. Готландѣ). ⁷⁷⁾

Городъ Висби служилъ главнымъ посредникомъ въ торговлѣ между древнѣйшими городами Кривичей—Полоцкомъ и Смоленскомъ—съ одной стороны и между Скандинавами, а потомъ городами Славянобалтійскаго поморья (Любекъ, Вивета, Вольтъ и др.), съ другой. ⁷⁸⁾

Особенно дѣятельно съ древнѣйшихъ временъ занимались торговлею Полочане; они способствовали перевозкѣ товаровъ отъ Балтійскаго моря въ Азію: по Двинѣ до Витебска, отсюда волокомъ до Двѣпра и по немъ до Кіева и далѣе. ⁷⁹⁾

«Двина, говорится въ лѣтописи, идетъ на полуночь и видеть в море Варяское . . . Тѣмъ же изъ Русі можетъ ити . . . по Двинѣ въ Варягы, а изъ Варягъ и до Рима, отъ Рима же и до племени Хамова . . . ⁸⁰⁾».

«Полочане, говорятъ Бѣляевъ, въ свое время хорошо умѣли пользоваться этою большою дорогою; этому лучшимъ свидѣтельствомъ служатъ Полоцкія колоніи по Двинѣ вплоть до Балтійскаго моря . . . Витебскъ, утверждаетъ Бѣляевъ, былъ старѣйшимъ Полоцкимъ пригородомъ». ⁸¹⁾

Мнѣніе Бѣяева о томъ, что Витебскъ обязанъ своимъ основаніемъ Полочанамъ, кажется, гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ догадка Нарбута.

Названіе свое Витебскъ, полагаютъ надо, получилъ отъ р. Витьбы, а послѣдняя получила названіе отъ излучинъ своихъ: при теченіи между оврагами, она должна, такъ сказать, виться. ⁸²⁾

Тамъ, гдѣ нѣтъ вѣрныхъ историческихъ указаній, слѣдуетъ довольствоваться преданіемъ, хотя бы оно и не выдерживало исторической критики.

Въ *Лѣтописи г. Витебска* (Вит. Ст. № 168) записано слѣдующее преданіе объ основаніи Витебска: «Ольга, побѣдивъ Ятвяговъ и Печенѣговъ, переправилась чрезъ р. Двину и съ войскомъ заночевала. Поправилась ей гора, и она основала деревянный замокъ, назвавъ его, отъ р. Витьбы, Витебскомъ; (она-же) построила въ Верхнемъ замкѣ каменную церковь св. Михаила, а въ Нижнемъ—Благовѣщенія и, прибывъ два года, отправилась въ Кіевъ».

Какъ-бы то ни было, Витебскъ, благодаря своему удобному положенію, вскорѣ уже является довольно значительнымъ городомъ и, будучи хорошо укрѣпленъ, имѣлъ судовую пристань, одну изъ важнѣйшихъ на Двинѣ, ⁸²⁾.

Въ лѣтописяхъ въ первый разъ упоминается о Витебскѣ подъ 6529 (1021 г.) по слѣдующему поводу: Брячиславъ, сынъ перваго Полоцкаго кн. Изяслава, внукъ Владиміра св. и Рогнѣды, хотѣлъ смѣлымъ подвигомъ утвердить свою независимость отъ Кіева. Въ 1021 г. онъ неожиданно напалъ и взялъ Новгородъ, ограбилъ жителей и съ множествомъ плѣнныхъ возвращался въ Полоцкъ; в. кн. Ярославъ, выступивъ изъ Кіева, встрѣтилъ и разбилъ его на берегахъ р. Судомы. Брячиславъ долженъ былъ примириться съ в. княземъ, который не только оставилъ его въ покоѣ, но, желая привязать его къ себѣ, увеличилъ удѣлъ его городами *Витебскомъ и Усвятомъ* (Вит. Ст. № 1). Слѣдовательно, эти города въ то время, а, вѣроятно, и раньше, были въ зависимости отъ в. кн. Кіевскихъ. ⁸³⁾.

Хотя Ярославъ и уступилъ Брячиславу Витебскъ и Усвятъ, но удержалъ за собой верховье Двины и Торопу, гдѣ послѣ образовалось кн. Торопецкое, примыкавшее къ Смоленску. Изъ-за этихъ-то верховьевъ началась впоследствии сильная борьба между кн. Полоцкими и потомками Ярослава. Причина этой упорной борьбы понятна: здѣсь именно проходилъ путь изъ «Варягъ въ Греки». ⁸⁴⁾.

Брячиславъ умеръ въ 1044 году. Ему послѣдовалъ знаменитый князь Всеславъ, упоминаемый въ Словѣ о Полку Игоревѣ ⁸⁵⁾.

. . . . «Князь Всеславъ народу

Судъ давалъ и рядилъ князьямъ города; а самъ волкомъ

Рысвалъ въ ночи. Кидался изъ Кіева къ Тьмутаракани

И перерыскивалъ волкомъ дорогу великому Хорсу.

Въ Полоцкѣ стольномъ ему позвонили къ заутренѣ равно

Въ колокола у Софіи святой, а онъ въ Кіевѣ слышалъ

Благовѣсть тотъ» . . . .

Вотъ при этомъ-то чародѣѣ—князѣ, бывшемъ нѣкоторое время и в. кн. Кіевскимъ, вся нынѣшняя Витебская губ. входила въ составъ Полоцкаго княжества

Со смертію Всеслава кончилось могущество Полоцкаго княжества, и самая исторія князей Полоцкаго дома становится съ тѣхъ поръ довольно темною.

Изъ отрывочныхъ лѣтописныхъ извѣстій видно, что ок. 1165 г. въ Витебскѣ княжилъ *Давидъ*, сынъ в. кн. Ростислава, отдавшій преждему в. кн. Витебскому, Роману, два Смоленскихъ города—Васильевъ и Красный. Содѣйствуя общему благу земли Русской, этотъ князь принималъ дѣятельное участіе въ походѣ на Половцевъ, предпринятомъ соединенными силами нѣсколькихъ князей. Затѣмъ, Давидъ помогъ утвердиться въ Полоцкѣ в. кн. Всеславу (Васпльковичу). Въ 1175 году Давидъ передалъ Витебскъ этому князю; когда же, въ 1181 году, Всеславъ снова сдѣлался Полоцкимъ княземъ, онъ отдалъ Витебскъ своему брату *Брячиславу*. (Вит. Ст. № 1 и 171).

Такимъ образомъ, Витебскъ, принадлежавшій нѣкоторое время в. кн. Смоленскимъ, снова, въ к. XII в., перешелъ во владѣніе князей Всеславова дома.

Въ 1195 г. княземъ въ Витебскѣ является зять Давида Смоленскаго, но кто именно—тотъ-же ли самый *Брячиславъ*, или сынъ его, *Василько Брячиславичъ*, упоминаемый въ 1180 году,—неизвѣстно. Извѣстно только вотъ что: въ 1195 году Кіевскій в. кн. *Рюрикъ Ростиславичъ*, братъ *Давидовъ*, обѣщавъ уступить Витебскъ *Ярославу Олеговичу* и отправилъ въ Смоленскъ посла объявить объ этой уступкѣ брату своему *Давиду*; но *Ярославъ*, не дождавшійся окончанія переговоровъ о Витебскѣ, послалъ племянника своего, *Олега Святославича*, захватить этотъ городъ, въ которомъ, какъ было сказано, княжилъ зять *Давида Смоленскаго*. Послѣдній, ничего еще не зная о сдѣлкѣ *Рюрика* съ *Ярославомъ* и слыша, что отрядъ *Олеговичей*, не дошедши до Витебска, сталъ опустошать Смоленскую область, выслалъ противъ него войско, подъ начальствомъ племянника своего, *Мстислава Романовича*. *Мстиславъ* ударилъ на *Олега* и погналъ его прочь. Но въ то самое время, какъ *Мстиславъ* получилъ успѣхъ на одной сторонѣ, его постигла неудача съ другой: Смоленскій тысяцкій *Михалко* потерпѣлъ пораженіе отъ *Полочанъ*, бывшихъ въ союзѣ съ Черниговскимъ княземъ. *Мстиславъ*, возвращаясь съ преслѣдованія побѣжденнаго *Олега*, повстрѣчалъ ихъ, и думая, что это свои, спокойно вѣхалъ въ ихъ ряды, и былъ взятъ ими въ плѣнъ (Вит. Ст. № 1).

Впрочемъ, это дѣло довольно темно по недостатку обстоятельныхъ извѣстій о Полоцкихъ отношеніяхъ; неизвѣстны также и побужденія, по которымъ *Рюрикъ* хотѣлъ отнять у брата зятя Витебскъ и отдать его *Олеговичамъ*. По поводу этого обстоятельства въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ упоминается еще какой-то *Василько* съ Черниговцами, поразившій *Мстислава*.

Съ конца XII в. начинаютъ исчезать съ лица исторіи потомки *Рогвѣды*, прозванной *Гориславою*. Ихъ владѣнія мало-по-малу завоевываются Литовцами

и изъ всѣхъ удѣловъ Полоцкаго княжества только одинъ удѣлъ—Витебскій еще долго, до Ольгерда (1320 г.), сохранялъ какъ-то свою независимость, но независимость, имѣвшую лишь тѣнь самобытности.

Витебскъ, какъ удѣлъ слабый, заключавшійся, приблизительно, въ выѣшнихъ Витебскомъ, Городокскомъ и отчасти Велижскомъ уѣздахъ,—зависѣлъ отъ болѣе сильныхъ князей то Кіевскихъ, то Черниговскихъ, то Смоленскихъ. ⁸⁷⁾

Въ началѣ XIII в. Витебскъ опять является въ зависимости отъ вл. Смоленскихъ, что видно изъ извѣстнаго договора Смоленскаго вл. Мстислава Давидовича съ Рюгою. Договоръ этотъ, заключенный въ 1229 году, имѣлъ для Витебска и Полоцка то-же значеніе, что и для Смоленска: «Таже правда, говорится въ этомъ договорѣ, буди Руси въ Ризѣ и на Готскомъ березѣ, и Нѣмчичю въ Смоленской волости и въ Полотской и въ Витебской». (Вит. Ст. № 3).

Полоцкіе и Витебскіе князья, какъ можно догадываться, признавали только верховную власть вл. Смоленскаго, но во внутреннемъ управленіи своими удѣлами были почти независимы.

Въ началѣ XIII в. (ок. 1226 г.) Литва образовалась въ довольно обширную державу, благодаря дѣятельности Рингольта Альгимунтовича. ⁸⁸⁾

О первыхъ столкновеніяхъ Полоцкихъ князей съ Литовцами упоминается также и въ Словѣ о Полку Игоревѣ: ⁸⁹⁾

. . . . «Двина болотомъ течеть къ Полочаномъ
Грознымъ, подъ кликомъ поганыхъ. (т. е. Литовцевъ).

Одинъ Изяславъ Васильковичъ

Въ шлемы Литовскіе острымъ мечомъ позвонилъ и, затѣмивши
Славу дѣда Всеслава, прикрытый стальными щитами,
Палъ на кровавой травѣ подъ ударами сабель Литовскихъ;
Слегъ на кровать и сказалъ: «князь, дружину твою удалую
Крыльями птицы одѣли, а звѣри кровь полизали!»
Ни Брячислава съ нимъ не было, ни Всеволода: одинъ онъ
Выронилъ пышно-жемчужную душу изъ храбраго тѣла
Свозъ золотое свое ожерелье. Поникло веселье;
Смогли печальныя пѣсни» . . . . .

Въ 1235 г. Рингольдъ владѣлъ не только всѣми Кривскими землями по лѣвую сторону Двины, но и самимъ Полоцкомъ, который уже разъ, при Мингайлѣ, въ 1190 г., былъ въ рукахъ Литовцевъ. Два сына Рингольта, Ердзвилъ и Миндовгъ, были достойными помощниками отца. Ердзвилъ, прозванный игумисомъ, т. е. завоевателемъ, завоевалъ Полоцкъ, Витебскъ, Оршу и Смоленскъ. ⁹⁰⁾

По смерти Рингольта (1240) и Ердзвила (1242), Миндовгъ соединилъ подъ

своею властію всѣ отцовскія владѣнія; племянники его, сыновья Ердзвила, получали лишь небольшіе удѣлы; одинъ изъ нихъ, Викунтъ, снова завоевалъ *Витебскъ* ⁹¹⁾, а другой, Товтивиль, сдѣлался княземъ Полоцкимъ.

Товтивиль вошелъ въ дружественныя сношенія съ Александромъ Невскимъ, принялъ православіе и женился на родной сестрѣ супруги благовѣрнаго князя, дочери какого-то кн. Брячислава, проживавшаго въ Витебскѣ и титуловавшагося Полоцкимъ.

Сынъ Александра гостилъ не разъ въ Витебскѣ, у своей овдовѣвшей бабушки, супруги Брячислава. Въ 1245 г. и самъ Невскій посѣтилъ Витебскъ, отсюда взялъ своего сына. Въ это-же время онъ имѣлъ блистательное дѣло съ Литовцами подъ Усвятомъ: разбилъ ихъ и взялъ въ плѣнъ многихъ Литовскихъ князей (Вит. Ст. № 1).

По смерти Миндовга, въ 1263 году, владѣтелемъ Полоцка и Витебска является Литовскій князь Гердень.

Сохранилась любопытная грамота этого князя о заключеніи имъ, въ качествѣ кн. Полоцкаго и Витебскаго, мирнаго договора съ Ливонскимъ геррмейстеромъ (Коврадомъ фонъ-Мандерномъ); обѣ стороны отказались отъ извѣстныхъ областей и установили разныя торговыя отношенія. Договоръ этотъ заключенъ въ Ригѣ, 22 Декабря 1264 года. (Вит. Ст. № 4).

Эта грамота показываетъ, что Витебскъ и Полоцкъ вели въ это время обширную торговлю, что видно также и изъ договора Мстислава Давидовича, 1229 г. «Немечькому гостю, говорится въ грамотѣ Герденя, въ Полоцкую волно ехати и торговати, купити и продати; тако же Полочаномъ и Видиблявину волно гостити в Ригу и на Готьскы берегъ».

Личность князя Герденя мало извѣстна. Воскресенская лѣт. ⁹²⁾ называетъ его сыномъ Давила и приписываетъ ему убійство Миндовга. Извѣстно также его столкновеніе съ родственникомъ Миндовга, Дозмонтомъ, княземъ Псковскимъ: Дозмонтъ разорилъ область Герденя, плѣнилъ его жену (свою тетку Евпраксию), двухъ сыновей, и на берегахъ Двины одержалъ рѣшительную надъ нимъ побѣду; множество Литовцевъ утонуло въ Дванѣ, и самъ Гердень едва ушелъ. Сынъ Герденя, Андрей, былъ впоследствии архіепископомъ Тверскимъ. ⁹³⁾

Гердень не долго былъ княземъ Полоцкимъ и Витебскимъ. До насъ дошла грамота Полоцкаго кн. Изяслава Ливонскому геррмейстеру и Рижанамъ о свободной торговлѣ и продолженіи мирныхъ сношеній: «Полотескъ, Видьбескъ одно есть, говорятся въ этой грамотѣ, а воли еси Божии и въ Молшелгове, а Изяславъ со мною одно». (Вит. Ст. № 5). Молшелгове—очевидно Войшелга, сынъ Миндовга, но опредѣлить личности двухъ, названныхъ въ актѣ, Изясловъ пока еще невозможно. Можно предположить, что первый изъ нихъ—кн. Полоцкій—тотъ самый, о которомъ упоминается въ Новгор. I Лѣт. подъ 6771 (1263 г.), а второй—князь Витебскій, и что оба они призвали Войшелга верховнымъ владѣтелемъ. Въ Новгор. I Лѣт. подъ 6771 г. говорится

«объ убіеніи добра князя Полотського Товтивила» убійцами Мяндовга, и при этомъ прибавлено, что «тогда Литва посадила свой князь въ Полотськъ». Вотъ этотъ-то князь, весьма вѣроятно, и есть Изяславъ. Событіе это можно отнести къ 1264 или слѣдующему году, слѣдовательно, и грамота Изяслава писана около этого-же года.

Около 1281—97 г. Витебскъ снова является подъ верховною властію князей Смоленскихъ, что видно изъ грамоты Рижскаго архіепископа къ в. кн. Огдору Ростиславичу Смоленскому, въ которой онъ обвиняетъ жителей Витебска въ несправедливой жалобѣ на Рижанъ. (Вит. Ст. № 6).

Около этого-же времени Витебскимъ удѣльнымъ княземъ былъ *Михаилъ Константиновичъ*, которому Рижскій магистратъ жаловался на неоднократныя обиды и притѣсненія. (Вит. Ст. № 7).

Послѣднимъ, болѣе или менѣе самостоятельнымъ, удѣльнымъ кн. Витебскимъ былъ *Ярославъ Васильевичъ*, сынъ Василія Авяреевича, сына Андрея Ярославича и Настасьи Даниловны, дочери короля Галицкаго Давида. (Вит. Ст. № 171). Въ 1318 г. Ярославъ Васильевичъ выдалъ свою едвѣственную дочь, Марію, за Литовскаго кн. Ольгерда Гедиминовича⁹⁴). Ольгердъ вмѣстѣ съ своей супругою, до самой смерти Ярослава, жилъ въ Усвятѣ, принадлежавшемъ къ Витебскому княжеству.⁹⁵

По смерти Ярослава, послѣдовавшей въ 1320 г., Витебское княжество наследовала дочь его, и, такимъ образомъ, оно, послѣ болѣе чѣмъ 300-лѣтняго управленія, почти исключительно, князьями Русскими, присоединилось къ Литвѣ. Вмѣстѣ съ Витебскомъ отошелъ къ Литвѣ и Могилевъ, бывшій въ это время въ зависимости отъ князей Витебскихъ.⁹⁶

Границы Витебскаго княжества при Ярославѣ Васильевичѣ, по словамъ Стрыйковскаго, простирались отъ р. Березины до Угры (прит. Ови).⁹⁷

Лѣтопись такъ характеризуетъ новаго властителя Витебска: „во всей бо братіи своей Олгердъ превзыде властію и саномъ, повеже меду и вина, и пива, и кваса кислого не пѣяше, велико воздержавіе имѣяше, и отъ того великоумство приобрѣте и крѣпку думу, и много промыслъ притяжавъ, и такимъ коварствомъ многи страны и земли повоева—и удержа себѣ власть велику; сице же ни единъ отъ братій его прослы, ни отецъ его, ни дѣдъ его.“⁹⁸

Въ 1338 г. былъ заключенъ миръ между Орденомъ и Рижскимъ магистратомъ съ одной стороны и королемъ (de konigh) Литовскимъ и его боярами, епископомъ Полоцкимъ, велик. кн. и городомъ Полоцкими, равно такъ вел. кн. (конечно, Ольгердомъ) и городомъ *Витебскими* съ другой стороны—на десять лѣтъ, съ опредѣленіемъ мирной полосы и взаимной безопасности въ торговыхъ дѣлахъ.⁹⁹

Слѣдовательно, торговыя сношенія Полочанъ и Витеблинъ находилась въ это время въ довольно цвѣтущемъ положеніи, и неудивительно: благодаря дѣятельности Ольгерда, здѣшній край былъ спасенъ отъ Татарскаго ига.¹⁰⁰).

Въ качествѣ удѣльнаго князя Витебскаго, Ольгердъ ознаменовалъ свою дѣятельность помощію, впрочемъ довольно сомнительною, Псковитянамъ противъ Нѣмцевъ. Въ 1342 г. Псковитяне воевали съ Ливонскими рыцарями. Слыша о сильныхъ вооруженіяхъ Ордена, Псковитяне отправили въ Витебскъ пословъ, которые сказали Ольгерду: «Братья наши Новгородцы насъ повергли, не помогаютъ намъ; помози намъ, господине, въ се время». Ольгердъ съ Кейстутемъ, съ полками Витебскими и Литовскими, прибылъ въ Псковъ. Воевода Ольгердовъ, князь Юрій Витовтовичъ, отправился на границу «добывать языка» и наткнулся на сильную рать Нѣмецкую, которая шла къ Изборску. Потерявши 60 человекъ своей дружины, Юрій прибѣжалъ въ Изборскъ, а на другой день явились подъ этимъ городомъ и Нѣмцы. Тяжко было въ ту пору Изборску. Жители его послали гонца въ Псковъ; по Ольгердъ и Кейстутъ отказались идти противъ Нѣмецкой силы. Пять дней стояли Нѣм-

цы подъ Изборскомъ, а потомъ отступили. Псковитяне, хотя и не могли быть особенно довольными Ольгердомъ, тѣмъ не менѣе предложили ему власть надъ собою; Ольгердъ передалъ ее своему сыну Андрею, а самъ возвратился въ Витебскъ (Вит. Ст. № 1).

Занавъ въ 1345 г. великокняжескій престолъ, Ольгердъ отдалъ Витебское княжество сыну своему Андрею, бывшему сверхъ этого, какъ уже сказано, и княземъ Псковскимъ.

Со времени Ольгерда Витебскъ начинаетъ играть довольно видную роль во время борьбы в. кн. Русскихъ съ в. кн. Литовскими. Уже Ольгердъ предпринималъ нѣсколько походовъ противъ в. кн. Дмитрія Довского, который требовалъ возвращенія Витебска и Полоцка, какъ исконныхъ Русскихъ владѣній.¹⁰¹⁾

Ольгердъ, всю жизнь свою воевавшій съ Нѣмецкимъ Орденомъ,¹⁰²⁾ Поляками и Русскими, умеръ не только христіаниномъ, но и схимникомъ, по убѣжденію его второй супруги, Іульяніи, дочери князя Тверскаго, принявъ въ крещеніи имя Александра, а въ монашествѣ Алексія.¹⁰³⁾

Ольгердъ умеръ въ 1377 году, оставивъ двѣнадцать сыновей.¹⁰⁴⁾ Еще при жизни своей онъ отдалъ Полоцкъ Андрею-Вингольту, сыну отъ перваго его брака съ Марією Ярославною, княжною Витебскою; Витебскъ же получалъ тогда Ягайло (въ православіи Яковъ, въ католичествѣ Владиславъ), рожденный отъ втораго брака Ольгерда съ Іуліанією.

По вліянію послѣдней, Ягайло назначенъ былъ преемникомъ Ольгерда; Андрей, в. кн. Полоцкій, какъ старшій изъ сыновей Ольгерда, считая себя обязаннымъ, не призналъ правъ Ягайлы на великокняжескій престолъ и открыто возсталъ противъ него. Ягайло, сдѣлавшись в. княземъ благодаря содѣйствию своего дяди Кейстута, отнялъ у Андрея Полоцкъ. Андрей бѣжалъ въ Псковъ, а оттуда въ Москву къ вел. князю Дмитрію. Послѣ бѣгства Андрея Ольгердовича, Полоцкое княжество отдано было сыну Кейстута, Андрею Горбатову. Но Ягайло, заключивъ въ 1380 году секретно съ Орденомъ перемиріе, изъ-подъ котораго изъялъ удѣлъ Кейстута и сыновей его, отдалъ Полоцкъ своему родному брату Скиргайлѣ. Полочане, однакожъ, не только не приняли его, но даже, посадивъ на старую клячу, съ позоромъ выпроводили изъ города, взявъ съ него клятву никогда уже болѣе къ нимъ не возвращаться. Раздраженный этимъ Ягайло послалъ противъ Полочанъ сильное войско, къ которому присоединились и Меченосцы, подъ начальствомъ Коврада Розенштейна, въ 1382 г. Не смотря на всѣ успія непріятеля и шестнадцатинедѣльную осаду, мужественный Андрей Кейстутьевичъ отстоялъ Полоцкъ.

Полоцкія происшествія убѣдили Кейстута въ томъ, что Ягайло, дружный съ Меченосцами болѣе нежели онъ могъ предполагать, питаетъ на счетъ

его недружелюбные замыслы. Для собственной безопасности Кейстутъ рѣшился предупредить Ягайлу: внезапно явился съ войскомъ передъ Вильною, овладѣлъ городомъ, взялъ въ плѣнъ Ягайлу со всѣмъ его семействомъ и провозгласилъ себя вел. княземъ. Кейстутъ, однако, поступилъ съ Ягайломъ весьма великодушно: отдалъ ему «отчину его, Видбескъ и Крево, и вся мѣста, што отецъ его держалъ». Ягайла въ мѣстѣ съ матерью отправился въ Витебскъ (Вит. Ст. № 2).

Ягайла, впрочемъ, не долго оставался въ Витебскѣ; скоро онъ нашель способъ заманить престарѣлаго дядю въ сѣти, и Кейстутъ вѣроломно умерщвленъ въ темницѣ, въ 1382 г. ¹⁰⁵).

Между тѣмъ Андрей Ольгердовичъ, принимавшій участіе, какъ союзникъ в. кн. Дмитрія, въ Куликовской битвѣ, вторично объявилъ себя противъ Ягайла, уже возвратившаго себѣ великокняжескій престолъ, принявшаго католицизмъ и торжествовавшего свадьбу свою съ польскою королевною Ядвигою, въ 1386 г., въ Краковѣ. Андрей обратился за помощію къ Ордену. Онъ поднималъ также весь нывѣшній Бѣлорусскій край и Русь Литовскую противъ Ягайлы, какъ отступника отъ православія, неимѣющаго болѣе права владѣть православными областями.

Магистръ Ливонскій, Цолнеръ, зимою 1386 г., вторгся въ Полоцкое княжество. Походъ, однако былъ не совсѣмъ удаченъ. Раздраженные неудачею рыцари, опустошивъ нѣсколько волостей, ушли изъ предѣловъ Полоцкихъ и Витебскихъ. Ихъ союзникъ, Смоленскій князь Святославъ Ивановичъ, въ томъ-же 1386 г., пошелъ сперва къ Витебску, а послѣ къ Оршѣ и Мстиславлю. Святославъ во время этого похода неистовствовалъ «какъ свирѣпый звѣрь». (Вит. Ст. № 2).

Слыша объ этомъ, новый король Польскій послалъ противъ него Скиргайлу и Витовта, сына Кейстута. Вскорѣ (1387 г.) и самъ Ягайла предпринялъ путешествіе въ подвластную ему Русь Литовскую, посѣтилъ Витебскъ и Полоцкъ, причемъ послѣдній городъ снова отдалъ Скиргайлѣ, а затѣмъ сдѣлалъ его в. княземъ Литовскимъ.

Что касается Витебска, то въ немъ вскорѣ произошли довольно важныя событія.

Въ 1393 г. скончалась въ Витебскѣ в. кн. Іуліянія, ¹⁰⁶) пожизненная владѣлица Витебскаго княжества. Еще при жизни своей она уступила Витебскій удѣлъ меньшому своему сыну Свидригайлѣ. Ягайло, между тѣмъ, почему-то не хотѣлъ оставить за Свидригайломъ, этого княжества, но, причисливъ его, къ короннымъ вмуществамъ, послалъ туда намѣстникомъ любямца своего ловчаго Ѳедора Весну. ¹⁰⁷). Обиженный Свидригайло удалился за помощію къ рыцарямъ; отъ нихъ пробравшись потомъ съ небольшимъ войскомъ чрезъ

лѣса, внезапно явился предъ Витебскомъ и овладѣлъ имъ. Намѣстника Весну онъ приказалъ сбросить съ высокой замковой стѣны: несчастный, при своемъ паденіи, сломилъ себѣ шею и утонулъ въ Двинѣ. Ягайло, узнавъ объ этомъ, поручилъ Витовту Кейстutowичу наказать непокорнаго брата. Витовтъ, соединивъ свои войска съ полками Скиргайлы, немедленно выступилъ въ походъ противъ Свидригайлы. Сперва подступили они къ Друцеу. Тамошніе князья не только приняли ихъ дружелюбно, но и дали имъ вспомогательный отрядъ. Отъ Друцка пошли къ Оршѣ, жители которой, державшіе сторону Свидригайлы, упорно защищались два дня, а на третій сдались. Наконецъ союзники явились подъ Витебскомъ. Такъ какъ осада этого города предвѣщала много трудностей, то князья пригласили къ себѣ въ помощь Смоленскаго князя Юрія Святославича. Свидригайло защищался упорно; наконецъ Витовтъ овладѣлъ Нижнимъ замкомъ; потомъ сильнымъ дѣйствіемъ изъ орудій, поставленныхъ у Благовѣщенской церкви, сдѣлавы проломы въ стѣнахъ и башняхъ Верхняго замка. Союзники готовились уже къ общему приступу, какъ внезапно жители Витебска, уstraшенные и сильною ратью и страхомъ казни за сопротивленіе, сдали свой городъ.¹⁰⁸). Свидригайло самъ явился къ осаждающимъ съ покорностію и, вѣжеться, былъ прощенъ Ягайломъ, потому что вскорѣ онъ является владѣльцемъ Крева. Спустя 3 г., въ 1396 г., Свидригайло, пробравшись съ отрядомъ Ливонскихъ рыцарей чрезъ Псковскія земли, снова, хотя и на короткое время, овладѣлъ Витебскомъ, съ жителями котораго успѣлъ предварительно условиться; изъ прочихъ же городовъ выслалъ королевскихъ намѣстниковъ; словомъ, возмutilъ все Витебское княжество. Онъ допустилъ, однакожь, при этомъ одну неосторожность, погубившую его дѣло: раздѣлилъ свое войско на мелкіе отряды, которыми занималъ почти каждый городъ и каждое мѣстечко. Витовтъ поспѣшилъ съ войскомъ къ Витебску и обложилъ его; послѣ тридцатидневной осады, взялъ штурмомъ Нижній замокъ и привудилъ тѣмъ войско и жителей перебраться въ Верхній; но отъ этого скопилось тамъ такъ много народу, что воины хотѣли выпроводить гражданъ изъ замка. Открылось замѣшательство между осажденными, и ворота замка растворились предъ осаждающими.

Витовтъ явилъ себя, по тагдашнему времени, довольно умѣреннымъ: казнивъ немногихъ, простилъ прочихъ, но самого Свидригайлу на этотъ разъ въ оковахъ отправилъ къ Ягайлѣ.¹⁰⁹). Примѣру Витебска послѣдовали и прочіе города этого княжества.

Въ 1430 г. умеръ Витовтъ, державшій въ своей верховной власти всю Литву и всю Бѣлоруссію. По единодушному желанію народа, король Ягайло отдалъ великовняжескій престолъ Литовскій Свидригайлѣ. Этотъ князь, явно отдававшій предпочтеніе православному вѣровсповѣдавію,¹¹⁰) преданный рус-

скамъ интересамъ, былъ не по-душѣ Полякамъ; они уговорили короля отдать престоль Литовскій Сигизмунду Кейстутовичу, сторону котораго вскорѣ приняла вся католическая Литва. Составился обширный заговоръ, и Сигизмундъ, 17 Сентября 1432 г., предводительствуя заговорщиками, ночью вошелъ въ Ошмяны, напалъ на замокъ, изъ котораго Свидригайло едва успѣлъ спастись въ Полоцкъ. Отсюда онъ обратился за помощью къ прежнимъ своимъ союзникамъ, Ливонскимъ рыцарямъ, и съ ихъ войскомъ расположился подъ Данабургомъ. Между тѣмъ Полоцкъ и Витебскъ не присягнули Сигизмунду, но вмѣстѣ съ Смоленскомъ держали сторону Свидригайлы.¹¹¹⁾ Съ многочисленнымъ войскомъ, простиравшамся до 40.000 человекъ, Свидригайло двинулся къ Ошмянамъ. 8 Декабря 1432 г. произошла кровопролитная битва, въ которой Свидригайло былъ разбитъ на-голову Михаиломъ Сигизмундовичемъ. Потерявъ 10,000 убитыми и 4000 плѣнными, Свидригайло едва спасся въ Полоцкъ.¹¹²⁾

Въ Полоцкѣ онъ, конечно, не оставался въ бездѣйствіи. Собравъ своихъ приверженцевъ, онъ въ 1433 году направился къ Витебску. Жители этого города, сочувственно относившіеся къ нему, отворили ворота и приняли его какъ своего князя. Свидригайло выместилъ свои неудачи надъ сторонниками Сигизмунда: князя Михаила Ольшанскаго онъ велѣлъ завязать въ мѣшокъ и бросить въ прорубь на Двинѣ, а князя Симона Ольшанскаго велѣлъ сбросить съ Замковой горы въ Двину.¹¹³⁾

Какъ ни жестокъ былъ этотъ поступокъ, совершенный Свидригайломъ въ Витебскѣ, но онъ не могъ поколебать искренней къ нему расположенности Витеблянъ и Полоцанъ, какъ не могъ поколебать ее и другой поступокъ, о которомъ въ лѣтописи говорится такъ: «Князь Литовскій Свидригайло пойма митрополита Герасима въ городѣ Смоленскѣ, и окова твердо желѣзы, и спровади въ Витебскъ, и державъ на крѣпости 4 мѣсяци, сожже огнемъ іюля 26 за толику вину, что перевѣтъ на него держалъ къ князю Жидимонту». Герасимъ былъ сожженъ на большомъ камнѣ, лежавшемъ надъ самымъ берегомъ Двины, у подошвы Замковой горы; камень этотъ назывался жидовскимъ.¹¹⁴⁾

Это произошло въ 1435 году. Въ томъ же году Свидригайло, собравъ большое войско, рѣшился еще разъ попытать счастья въ борьбѣ съ Сигизмундомъ и двинулся изъ-подъ Витебска, около 15 Августа. Подъ Вилькомиромъ Свидригайло былъ опять окончательно разбитъ; число убитыхъ съ обѣихъ сторонъ простиралось до 50.000; вѣсколько князей Литовскихъ и Русскихъ и магистръ Ливонскій пали на полѣ битвы. Самъ Свидригайло бѣжалъ въ Полоцкъ. Княжество Витебское покорилось Сигизмунду и заплатило значительную контрибуцію; только замки Полоцкъ и Витебскъ остались вѣрными Свидригайлѣ.

Через 3 недѣли Михаилъ Сигизмундовичъ явился подъ Витебскъ, но не смотря на шестинедѣльную осаду, не могъ взять его. ¹¹⁵).

Подъ Вилькомиромъ рѣшилась судьба Свидригайлы, и рѣшилась невозвратно, хотя и боролся онъ съ нею еще въ некоторое время. Въ 1437 году Полоцкъ и Витебскъ, послѣ упорной защиты, наконецъ сдались, и такимъ образомъ Свидригайло потерялъ послѣднюю опору. ¹¹⁶). Послѣднее время провелъ онъ спокойно, пользуясь уваженіемъ и вниманіемъ своихъ племянниковъ:

Этотъ, во всякомъ случаѣ замѣчательный князь, на личность и дѣятельность котораго существуютъ совершенно противоположные взгляды, ¹¹⁷) удрученный лѣтами и судьбою, скончался въ Луцкомъ замкѣ, въ 1452 г., на 96 г. отъ рожденія.

Въ 1440 году великій князь Литовскій Сигизмундъ былъ убитъ. На Литовскій престолъ возведенъ Казиміръ, младшій сынъ Ягайлы. Молодой князь съ любовію сталъ изучать свою родину, Русскій и Литовскій языки ¹¹⁸), съ которыми, безъ сомнѣнія, знакомъ былъ и прежде. Казиміръ, при самомъ вступленіи на Литовскій престолъ, клялся не уничтожать, не уменьшать ни въ чемъ Литовскаго княжества, ни въ должностяхъ, ни въ людяхъ, ни въ

земляхъ, а поддерживать ихъ достоинство и возвратить Литвѣ, если Богъ поможетъ, все когда-либо у ней отнятое.

Въ виду такого заявленія, Полоцкъ и Витебскъ должны были окончательно слить свою судьбу съ судьбою Литовскаго княжества; при всемъ томъ они, можетъ быть и помимо своей воли, вскорѣ по вступленіи на престолъ Казимира, отложились отъ него, по слѣдующему поводу: Казимиръ, вступивъ на престолъ, выпустилъ на свободу Юрія Лугвеніевича (внука Ольгерда), котораго Свигизмундъ посадилъ въ темницу. вмѣстѣ съ тѣмъ возвращенъ былъ Юрію и его Мстиславскій удѣлъ; но этотъ князь вскорѣ заплатилъ Казимиру неблагодарностію, вмѣшавшись въ дѣла Смоленскаго княжества; мало того: онъ возмутилъ противъ него Полоцкое и Витебское княжества и присоединилъ ихъ къ своему удѣлу, однакожь не надолго: въ 1441 г., осенью, Казимиръ двинулся съ войскомъ къ Смоленску; Юрій тайно бѣжалъ съ семействомъ въ Москву; Смоленскъ, Полоцкъ и Витебскъ покорились и присягнули Казимиру. ¹¹⁹).

Съ тѣхъ поръ началась для Полоцкаго и Витебскаго княжествъ какъ-бы новая эпоха ихъ существованія: они надолго освободились отъ тѣхъ воинскихъ смуть и тревоженій, кои обуревали ихъ во все почти предыдущее время; они перестали быть театромъ постоянныхъ битвъ, походовъ, такъ неблагоприятно отражавшихся на благосостояніи дѣлаго края. Мѣсто всего этого заняла плодотворная дѣятельность, направленная къ улучшенію ихъ гражданскаго благоустройства. При Казимирѣ обращено надлежащее вниманіе на упроченіе внутренняго благосостоянія недавно подчинившихся ему городовъ, между прочимъ, Полоцка и Витебска.

Памятниками такой заботливости служатъ Уставныя грамоты, данныя Казимиромъ жителямъ Полоцка и Витебска. «Привилей», данный Витебску, до насъ не дошелъ: его украли «злодѣи з великого Новагорода», но главное его содержаніе видно изъ подтвердительной грамоты сына Казимира, Александра, 1503 г. Вотъ какія права и привилегіи даны были Витеблянамъ этою грамотою: Великій князь обязался не вступаться въ дома церковныя, ни въ домъ Божій Пресвятой Богородицы (Успевія), ни въ домъ св. Духа, ни въ домъ Благовѣщенія, ни въ иныя церкви; не вступаться въ купли, совершенныя законнымъ образомъ; жевъ силою замужъ не выдавать; въ духовныя завѣщанія не вступаться; на подводы коней у городскихъ людей и у сельскихъ путниковъ (путный— походный, дарожной) не брать; холопу и рабѣ не вѣрять, а по обидамъ давать удовлетвореніе; судовъ предковъ своихъ, в. кн. Литовскихъ, не посуживать; безъ изслѣдованія дѣла Витеблянина не казнить, а предварительно сдѣлать дознаніе; своихъ судебныхъ приговоровъ не перемѣнять; казнить только за дѣйствительную вину; челобитье у Витеблянъ принимать, не сажая ихъ въ желѣза и не подвергая ихъ никакой мукѣ; отчинъ у нихъ

не отнимать; въ села купленные и поля не вступаться; заочному обвиненію не вѣрять; кто станетъ на нихъ доносить, того имя объявить; въ заставу ввѣдѣ Витеблянъ не сажать (не брать подъ арестъ); на войну быть всѣмъ Витеблянамъ готовыми, сообща съ великимъ княземъ; по волости Витебской воеводѣ великокняжескому не ѣздить, а поѣдетъ онъ на охоту, то его по станамъ не дарить; у кого изъ Витеблянъ провозидеть кража, а найдутъ покраденное лицомъ, тогда все украденное возвратитъ Витеблянину, а чего изъ украденнаго будетъ не доставать, не отыщется, то истцу доправитъ съ татинаго дому, жевою и дѣтьми вора заплатитъ за покраденное, а съ самимъ воровъ в. кн. властенъ поступитъ по своей волѣ; буде же у вора не окажется чѣмъ заплатить за покраденное имъ, то его выдать головою истцу, а онъ можетъ поступитъ съ нимъ какъ захочетъ; сябровъ (товарищъ, согражданинъ) городскихъ въ пригонъ великокняжескій не гнать, ни въ подводы, ни на охоту; въ вѣсы Витебскіе и мѣры (локоть) в. князю не вступаться, а если кто изъ Витеблянъ провинится на вѣсахъ или на локтѣ, того казнить самимъ Витеблянамъ по своему праву, а в. кн. въ то не вступаться; у кого изъ Витеблянъ забракуютъ (загудятъ) воскъ въ Ригѣ или въ другомъ какомъ мѣстѣ, и приѣдетъ онъ въ Витебскъ, то Витебляномъ самимъ казнить виноватаго, а в. князю его не судить; въ отчины Витеблянъ, ихъ сельца, рѣки и озера в. князю не вступаться; равнымъ образомъ и Витеблянамъ не присвоивать себѣ великокняжескихъ рѣкъ и озеръ, а кто провинится въ этомъ, тотъ будетъ подлежать наказанію; великому кн. Витеблянъ не дарить никому; они освобождаются отъ пошлинъ (мыта) по всей отчинѣ великокняжеской—по всѣмъ владѣніямъ Литовскимъ, на вѣчныя времена; вел. кн. жалуетъ Витеблянамъ подъ усадьбы и на выгонъ Койтинъ воръ (въоръ—пашня, взоранное поле), Михайловскій воръ и Заручевскій воръ. Затѣмъ опредѣлялись размѣры разныхъ сборовъ, и между прочимъ, въ случаѣ драки Витеблянъ между собою, если они примирятся при участіи дѣцкаго (т. е. княжескаго посланца), то обязаны давать замрщивны (мировой пошлины) купцу съ шерстію. Великій князь обязался также *давать Витеблянамъ воеводу по старинѣ, по ихъ волѣ*: который воевода будетъ имъ не любъ, и обвинятъ они его предъ вел. кн., послѣдній даетъ имъ другого воеводу по ихъ волѣ; въ первый день приѣзда своего въ Витебскъ, воевода цѣлуетъ крестъ Витеблянамъ, что безъ суда не будетъ казнить ихъ ни за что по наговорамъ; Витебляне могутъ жить въ Витебскѣ добровольно всякъ постарому, пока кто захочетъ здѣсь жить, а кто, вслѣдствіе какихъ-либо насилій, не захочетъ, и станетъ ему нелюбо въ Витебскѣ, того силою не удерживать: путь ему чистъ, куда хочетъ, безъ всякихъ препятствій (зачепки); впрочемъ поѣдетъ онъ въ великокняжескую отчину, въ Литву, не тайно, но ударивши челомъ св. Благовѣщенью и объявивши воеводѣ

и своимъ братьямъ, мужамъ Витеблянамъ; а во всемъ имуществѣ своемъ опъ властенъ: отходя прочь, можетъ его или продать, или кому-либо отказать—в. князю въ то не вступаться; если Витеблянинъ, пріѣхавши въ Литву къ вел. кн., пожалуется на Витеблянина, то в. кн. безъ истца не шлетъ дѣдкаго (княжескій посланецъ съ какою-либо грамотою) изъ Литвы на обвиненнаго, хотя бы дѣло шло о смертоубійствѣ, но даетъ жалобщву листъ къ воеводѣ Витебскому, который судить по крестному цѣлованію, разсмотрѣвши дѣло съ князьями, боярами и мѣщанами, а осудивши—казнятъ въ Витебскѣ, по тамошнему праву; в. кн. не отнимаетъ у князей, бояръ, слугъ и мѣщанъ Витебскихъ имущества, выслуженнаго ими у прежнихъ великихъ кн. Литовскихъ; мѣстичей Витебскихъ изъ города не выводитъ вонъ; кто изъ Литовцевъ или Поляковъ былъ крещенъ въ Витебскѣ въ Русскую (православную) вѣру и оставилъ потомковъ, тѣхъ не трогать, права ихъ христіанства ни въ чемъ не нарушать. (Вит. Ст. № 16).

Эта грамота дана Казиміромъ, приблизительно, въ 1444 году. ¹²⁰).

Внимательный къ вуждамъ своихъ новыхъ подданныхъ, Казиміръ самъ лично нѣсколько разъ посѣщаль ихъ край. Такъ, въ Витебскѣ онъ былъ въ 1451 ¹²¹) и 1469 г. ¹²²). Въ память спасенія супруги своей отъ утопленія, 20 Іюля, въ день пророка Іліи, онъ велѣлъ построить въ Бѣлоруссіи нѣсколько православныхъ церквей, между прочимъ въ Витебскѣ и Бѣшенковичахъ, и подарилъ этимъ церквямъ во владѣніе перевозки. ¹²³).

Долговременное правленіе Казиміра было, такимъ образомъ, замѣчательнымъ временемъ въ исторіи Витебска и вообще Бѣлорусскаго края. Казалось, съ его времени воцарился давно желанный долгій миръ, но то былъ лишь какъ-бы непродолжительный отдыхъ истощеннаго военными смутами края предъ ожидавшею его новою кровопролитною борьбою.

Россія, низвергнувъ иго Монголовъ, поуправившись и съ внутренними смутами, начала мало-по-малу укрѣпляться, и уже въ царствованіе Іоанна III является могущественною державою. Почувствовавъ себя сильными, в. кн. Московскіе начинаютъ помышлять о возвратѣ того, что отошло и было отнято въ дни слабости Россіи. Первымъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого было столкновение съ Литвою, возвысившеюся во дни внутренняго неурядиства въ Россіи и разширившеюся на счетъ природныхъ ея владѣній.

Уже Дмитрій Донской хотѣлъ отнять у Литвы Витебскъ, Полоцкъ и Кіевъ, но Ольгердъ силою заставилъ его отказаться отъ своихъ требованій. Теперь, съ Іоанна III, вачинается достопамятная война, война, продолжавшаяся, съ небольшими промежутками, болѣе 150 лѣтъ, въ продолженіи которыхъ Литва и Русь боролись на жизнь и смерть за Бѣлоруссію и другія области. Война эта обратила въ печальную пустыню большую часть Бѣлорусскаго края.

Въ Маѣ 1492 года въ кн. Іоаннъ III отправилъ въ Краковъ Беклмишева, съ требованіемъ возвратитъ нѣкоторые исконныя Русскіе города. Беклмишевъ засталъ короля уже на смертномъ одрѣ. По смерти Казимира, послѣдовавшей 25 Іюня того-же года, Литовцы избрали вел. кн. Александра, младшаго сына Казимирова, и взяли съ него клятву въ сохраненіи цѣлости и независимости Литовскаго княжества. Іоаннъ воспользовался отдѣленіемъ Латы, и непріязненныя дѣйствія отерлись.¹²⁴). Но Александръ, желая мира, послалъ въ Москву пословъ. Въ 1494 г. былъ заключенъ миръ, по которому, въ числѣ другихъ городовъ, уступленъ былъ Россіи и Мстиславль. Наконецъ, помышляя объ упроченіи мира съ Россіею, Александръ задумалъ сочетаться бракомъ съ дочерью Іоанна, Еленою. Сватовство состоялось. Въ Январѣ 1495 г. прибыли въ Москву за невѣстою Литовскіе послы. Отпуская въ путь свою дочь, Іоаннъ наказалъ ей, чтобы она во всѣхъ городахъ, чрезъ которые будетъ проѣзжать, была въ соборныхъ церквахъ и служила молебны; относительно же Витебска предостерегъ еще, что тамъ городской мость худъ, и если можно будетъ ей проѣхать къ соборной церкви, то чтобы она поѣхала, а нельзя, то и не ѣздила бы. Не доѣзжая двухъ верстъ до Витебска, Елена Іоанновна встрѣчена была намѣстникомъ Витебскимъ, кн. Михаиломъ Ивановичемъ Ижеславскимъ, и всѣми жителями Витебска, желавшими излить свою любовь еднновѣрной единоплеменной имъ православной княжнѣ. Тапкану ея (экипажъ) провожали пѣшкомъ до самаго города дѣти боярскія; у церкви Михаила Архангела ее встрѣтилъ архимандритъ со всѣмъ духовенствомъ. Принявъ благословеніе, княжна, вслѣдствіе, вѣроятно, усталости, не пошла въ церковь, а отправилась въ отведенныя ей палаты. На слѣдующее утро, послѣ обѣдни и молебна въ церкви св. Михаила, Елена Іоаннова отправилась въ путь далѣе, по дорогѣ въ Полоцкъ. Князь Михаилъ Ивановичъ и всѣ жители Витебска провожали ее за городъ¹²⁵).

Зимой того-же 1495 г. Александръ съ своею супругою посѣтилъ Витебскъ.¹²⁶).

Родственныя связи государей не даровали, однако, мира ихъ державамъ. Вскорѣ возникли взаимныя неудовольствія между тестемъ и зятемъ. Александръ, предвидя разрывъ, велѣлъ привести въ оборонительное положеніе Полоцкій и Витебскій замки. Дѣйствительно, скоро начались и военныя дѣйствія: Русскія войска, подъ предводительствомъ Дмитрія Іоанновича, вторгнулись въ предѣлы нынѣшней Витебской губерніи; выжгли предмѣстье Витебска и сожгли или опустошили всѣ деревни, лежавшія между Полоцкомъ и Витебскомъ. Это было въ 1502 году.¹²⁷).

Желая расположить въ свою пользу жителей Витебска, какъ важнаго пограничнаго пункта, Александръ, въ 1503 г., подтвердилъ грамоту Казимира и всѣ прежнія права и привилегіи. (Вит. Ст. № 16).

Александръ всячески старался покончить разорительную войну. Наконецъ было заключено перемирие на шесть лѣтъ, отъ 25 Марта 1503 г. до 25 Марта 1509 года. При заключеніи перемирія Іоаннъ сказалъ слѣдующія достопамятныя слова: ¹²⁸⁾ «Отчина королевская есть земля Польская и Литовская, а Русская наша; что мы съ Божіею помощію у него взяли, того не отдадимъ». Впрочемъ, только изъ особеннаго уваженія къ зятю, Іоаннъ возвратилъ Литвѣ нѣсколько волостей; нѣкоторыя изъ нихъ находились въ предѣлахъ выѣшней Витебской губерніи.

До истеченія срока перемирія скончались оба, и в. кн. Іоаннъ и зять его Александръ. Первому наследовалъ сынъ его, Василій Іоанновичъ, а второму братъ Сигизмундъ, Василій III во всемъ слѣдовалъ отцовской политикѣ, не оставлялъ мысли о присоединеніи къ Россіи Литовско-Русскихъ городов. ¹²⁹⁾

Витебскъ, стоявшій близъ Русской границы, былъ неоднократно осаждаемъ; замка, однако, Русскіе взять были не въ состояніи, но за то всякій разъ выжигали предмѣстье города и опустошали его окрестности.

Такъ, напримѣръ, въ 1516 г. Россіяне напали на Витебскъ, окрестности и самый городъ (miasto) были обращены въ пепель, самый замокъ былъ въ большой опасности, такъ какъ чувствовался недостатокъ въ пушкахъ и свѣтлыхъ припасахъ. Русскіе, однако, послѣ долговременной осады, отступили. ¹³⁰⁾

Въ 1519 г. Московскіе воеводы, Василій Годуновъ, князь Елецкій и Засѣкинъ, съ сильною татарскою конницею приступали къ Полоцку и Витебску, выжгли предмѣстья, взяли вышнія укрѣпленія, убили множество людей. ¹³¹⁾

Въ 1534 г., въ царствованіе Іоанна Грознаго, князь Борисъ Горбатый опустошилъ все окрестности Витебска, но городъ уцѣлѣлъ ¹³²⁾.

Два года спустя, въ 1536 году, князья Горенскій и Барбашевъ выжгли посады Витебска, взяли множество плѣнниковъ и всякой добычи. ¹³³⁾

Въ 1561 году палъ знаменитый Орденъ Меченосцевъ. Магистръ Кетлеръ, прибывъ въ Вильну, призналъ Сигизмунда-Августа (сына Сигизмунда I) государемъ Ливоніи; Кетлеръ сдѣлался наследственнымъ герцогомъ Курляндіи, вассаломъ Польши. ¹³⁴⁾

Іоаннъ Грозный, заявлявшій на Ливонію свои права, конечно, не могъ перевести спокойно такого исхода. Война открылась въ 1562 г., и первые удары обрушились на несчастный Витебскъ: въ томъ же 1562 году Курбскій выжегъ предмѣстья Витебска. ¹³⁵⁾

Въ началѣ Іюля 1564 г. князь Токмаковъ изъ Невля направился къ Озерицу и осадилъ эту крѣпость, славившуюся въ то время своими укрѣпленіями. Узнавъ, что 12 т. Литовцевъ идутъ изъ Витебска спасти осаждаемыхъ

этотъ воевода, отправивъ снаряды и пѣхоту въ Невель, съ одною конницею, встрѣтилъ непріятеля и разбилъ его передовую дружину; но когда подошло главное войско Литовское, ояъ долженъ былъ отступить. По словамъ же Стрыйковскаго, Витебскій воевода Станиславъ Паць собралъ и послалъ 2 т. воиновъ, которые разбили 13 т. Русскихъ подъ Озерищемъ, убили 5 т. человекъ, забрали всѣ снаряды, а самъ Токмаковъ (Totkmaк) едва убѣжалъ. Впрочемъ, Токмаковъ въ томъ-же году опять осадилъ Озерище и взялъ его. ¹³⁶).

Война продолжалась, но наконецъ показалась тягостною для обѣихъ сторонъ. Начались переговоры о мирѣ. Военныя дѣйствія приостановились; однако же мирные переговоры не помѣшали Иоанну тихо и мирно продолжать наступательныя мѣры, обнаружившія его планы на дальнѣйшія завоеванія въ Литвѣ. Такъ, при озерѣ Усвятѣ и при устьѣ Улы, впадающей въ Двину, устроены крѣпости. ¹³⁷).

Узнавъ объ этомъ, Витебскій воевода Станиславъ Паць, въ Январѣ 1568 г., послалъ подъ начальствомъ Вирули, войско, которое грабило пограничныя замки—Усвятъ и Велижъ; 16 Января захватили подъ Велижемъ кн. Петра Головина и доставили его въ Витебскъ. ¹³⁸).

27 Сентября 1568 г. Шереметевъ, Бутурлинъ и Сабуровъ, предводительствуя сильными отрядами, при которыхъ находилось и 6 т. Татаръ, осадилъ Витебскъ; жители, узнавъ о жестокостяхъ Татаръ, скрылись въ замкѣ. Туда бросили огонь, отъ котораго загорѣлся городъ; но воевода Паць сдѣлалъ вылазку и, сбивъ осаждающихъ, погасилъ огонь. Черезъ три дня воеводы отступили. ¹³⁹).

Въ 1576 г. на Польскій престолъ избранъ Стефанъ Баторій. Начиная войну съ Иоанномъ, Баторій издалъ манифестъ къ народу Русскому; объявилъ что извлекаетъ мечъ на царя Московскаго, а не на мирныхъ жителей, коихъ будетъ щадить, миловать во всякомъ случаѣ. Сказалъ и сдѣлалъ: никогда война не бывала для земледѣльцевъ и гражданъ тише, человеколюбивѣе. ¹⁴⁰).

Въ началѣ Августа 1579 года Баторій осадилъ Полоцкъ, а 29 Августа взялъ этотъ «ключъ Ливоніи и самой Литвы». Съ этого времени Полоцкъ, бывший 16 лѣтъ въ рукахъ Русскихъ, вновь сдѣлался собственностію Литвы, до царствованія Еватеривы II. ¹⁴¹).

За разныя заслуги, оказанныя жителями Витебска во время мнувшихъ войнъ, преемникомъ Стефана Баторія, Сигизмундомъ III, 17 Марта 1597 г. жителямъ этого города было даровано Магдебургское право. Въ королевской грамотѣ по этому случаю, между прочимъ, сказано: «Объявляемъ этимъ листомъ вашимъ всѣмъ вообще и каждому особо, вывѣ живущимъ и потомству ихъ, кому только знать то слѣдуетъ, что славутные (т. е. выборные) мѣщане,

воинные поселскіе и все посполство города нашего Витебска, пользуясь съ давнихъ временъ большими вольностями, предоставленными имъ отъ предковъ нашихъ, королей ихъ милости Польскихъ и в. кн. Литовскихъ, и не имѣя только Магдебурскаго права, а состоя подъ вѣдѣніемъ тамошняго нашего замка, не могли привести нашъ городъ къ окончательному устройству и расширенію; почему всѣ вмѣстѣ били намъ, государю, челомъ, чтобы мы, для лучшаго расширенія этого пограничнаго города и умноженія въ немъ порядка, по примѣру предковъ нашихъ, освободивъ жителей Витебска отъ всякой подчиненности урядамъ замковому и земскому, даровали бы имъ Магдебурское право и укрѣпили эту милость своею королевскою грамотою. Вслѣдъ за тѣмъ, ихъ милость господъ совѣтниковъ и урядниковъ обоего народа нашего, на настоящемъ вольномъ сеймѣ при васъ бывшіе, а также и господинъ Витебскій воевода, вельможный Николай Сапѣга, письменно свидѣтельствуя о вѣроподданническихъ чувствахъ Витеблянъ и ихъ заслугахъ во время минувшихъ войнъ съ в. кн. Московскимъ, склоняли насъ на милостивый пріемъ просьбы жителей этого города, увѣряя, что если мы, по милости нашей, дадимъ имъ просимое право, то они, улучша быть свой, съ пріобрѣтеніемъ средствъ и увеличеніемъ числа жителей, украсятъ и укрѣпятъ нашъ пограничный городъ такъ, что онъ будетъ въ состояніи противиться всякому непріятельскому нападенію. А потому, мы, государь, вѣдая то, что если достоинство монарховъ и князей увеличивается побѣдами, то тѣмъ болѣе водвореніемъ справедливыхъ законовъ, клонящихся къ умноженію народныхъ правъ (ибо справедливыя законы, служа всему основой, и малые города превращаютъ въ большіе и славные, къ полпой выгодѣ для народа; а гдѣ нѣтъ коренныхъ уставовъ, и жители не имѣютъ надлежащаго письменнаго права, тамъ широкъ просторъ для безпорядка и много мѣста для всепожирающаго зла и разоренія). Затѣмъ, по особой нашей королевской ласкѣ, желая улучшить положеніе нашихъ Витебскихъ жителей и сравнить ихъ съ прочими главнѣйшими городами кор. Польскаго и в. кн. Литовскаго, склоняясь на просьбу ихъ милостей, господъ совѣтниковъ и урядниковъ нашихъ, псключаемъ и навѣки освобождаемъ городъ Витебскъ, какъ основанный въ границахъ нашихъ и теперь тамъ-же находящійся, и всѣхъ вообще обывателей его, а равно живущихъ на предмѣстьи, по фольваркамъ и селеніямъ, со всѣмъ ихъ имуществомъ, подданными, имѣніями и принадлежностями,—отъ права земскаго в. кн. Литовскаго, отъ всякаго суда и подчиненности главнымъ трибуналамъ, также отъ власти всѣхъ воеводъ Витебскихъ, начальниковъ замка, старосты, державцевъ, урядовъ земскихъ и другихъ, а подчиняемъ ихъ суду и праву Магдебургскому и постановляемъ: что мѣщанъ гор. Витебска никто другой не будетъ судить и не будетъ имѣть надъ ними власти, кромѣ войта, обще съ бургомистрами, райцами (т. е. совѣтниками) и

лавниками (т. е. засѣдателями городского суда, выборнымъ), по способу и указанію Магдебурскаго права, по примѣру другихъ городовъ, имѣющихъ такое. А войта, какъ мы, такъ и потомки наши, кор. Польскіе и в. кн. Литовскіе, имѣемъ собственною нашею властію назначать изъ дворянъ господствующей христіанской вѣры, согласно указаніямъ Магдебурскаго права. Затѣмъ, каждый войтъ, избранный нами или потомками нашими, будетъ-ли назначенъ изъ вышаго, или низшаго дворянства, прежде всего долженъ принять присягу на чиненіе суда и благопріятствованіе городу, оберегая цѣлость его, предотвращая потери и заботясь о приумноженіи и расширеніи народнои собственности, вѣдая также и войсковымъ урядомъ. На этомъ основаніи и дали уже мы это воеводство въ досмертное управленіе потомственному дворянину Витебскаго воеводства Юрію Лѣтецкому, а къ войтовству этому присоединили и село Коровайно, какъ и прежде принадлежавшее, в прежнее войты его удерживали в тепершній въ управленіи своемъ имѣть, такъ и въ настоящее время это село, со всѣми приважденостями и постройками, и все то, что прежнее войты держали и уживали какіе-либо пожитки и доходы, все это въ Витебскомъ войтовствѣ на вѣчныя времена оставляетъ и утверждаемъ».

«Войту нашему, какъ настоящему, такъ и будущему, предоставляемъ, согласно постановленію права Магдебурскаго, полную власть судить, рядить и наказывать виновныхъ, какъ за всѣ уголовныя преступленія, такъ и въ обыкновенныхъ дѣлахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ позволяемъ Витебскому войту избрать себѣ помощника изъ жителей города, на основаніи мѣстныхъ правъ. Витебскіе обыватели должны избрать, согласно съ Магдебургскимъ правомъ и обычаями нашей столицы Вильно и другихъ городовъ, бурмистровъ, райцовъ и лавниковъ, коимъ и состоятъ подъ начальствомъ войта, который, принявъ отъ избранныхъ лицъ присягу, допустить ихъ къ отправленію должности и вмѣстѣ съ ними будетъ чинить судъ, лично или же чрезъ помощника своего, порядкомъ, указаннымъ въ правѣ Магдебургскомъ, а мѣщане и весь народъ гор. Витебска, во всѣхъ уголовныхъ и обыкновенныхъ дѣлахъ своихъ, по жалобамъ и искамъ, будутъ удовлетворены не по какимъ-либо другимъ законамъ, но только на основаніи постановленій права Магдебурскаго, какъ и выше упомянуто».

«А если кто-либо судомъ городского уряда останется недоволенъ, то воленъ къ намъ, государю, и потомкамъ нашимъ за дворомъ апеллировать, такъ какъ и на дворъ нашемъ будетъ судимъ тѣмъ-же правомъ Магдебургскимъ. А если-бы войтъ въ судахъ вышихъ самъ или урядники въ низшихъ—не лично, а по должности своей, кому-либо обиду причинили, тѣ будутъ призваны повелѣніемъ нашимъ предъ нами, государемъ, по праву Магдебургскому, въ томъ-же году, въ теченіи семи недѣль, если мы будемъ въ то время въ коро-

левствѣ Польскомъ, и чрезъ четыре недѣли, если это послѣдуетъ въ бытность вашу въ княжествѣ Литовскомъ».

Этой-же грамотой опредѣлялся гербъ города. Онъ представлялъ въ голубомъ полѣ образъ Спасителя и подъ нимъ, нѣсколько выже, красный обнаженный мечъ— «*што ся маеть розумѣть кровавый*». Такой-же рисунокъ предоставлялось имѣть на печатахъ урядовъ, а равно на городскомъ знамени.

Кромѣ городского знамени, каждому цеху предоставлялось имѣть свой особый значекъ или хоругвь.

Далѣе исчислялись нѣкоторыя другія права города, между коими находилось освобожденіе разнаго рода ремесленниковъ отъ работъ въ замкахъ. Всѣ жители Витебска освобождались на вѣчныя времена отъ платежа мытъ (пошлинъ). Жыдамъ воспрещалось имѣть какую-бы то ни было осѣдность. (Вит. Ст. № 37).

Витебляне недолго пользовались Магдебургскимъ правомъ: въ наказаніе за убіеніе униатскаго архіепископа Юсафата Кунцевича, они, вмѣстѣ съ прочими преимуществами, были лишены его въ 1624 году. (Вит. Ст. № 118). Однакожь, преемникъ и сынъ Сигизмунда III, Владиславъ IV, въ награду за услуги, оказанныя жителями Витебска во время войны съ Россією, именно за побѣду подъ Кошевичами, въ 1641 г., снова возвратилъ имъ право Магдебургское (Вит. Ст. № 67).

Алексѣй Мпхайловичъ, подобно Дмитрію Донскому, Іоанну III и Грозному,

старался возстановить землю Русскую въ древнихъ ея предѣлахъ, сосредоточить ее въ одно цѣлое и кончить вѣковой споръ Россіи съ Польшею.

Война началась въ 1654 г. Самый блестящій успѣхъ былъ слѣдствіемъ мѣръ, принятыхъ Алексѣемъ Михайловичемъ, Войска его, скорѣе чѣмъ въ полгода, овладѣли всѣмъ нынѣшнимъ Бѣлорусскимъ краемъ и значительною частію собств. Литовскаго княжества; взято до 200 городовъ, мѣстечекъ и укрѣпленныхъ замковъ. Узнавъ объ окончательномъ покореніи Бѣлоруссін, Алексѣй Михайловичъ принялъ титулъ царя и самодержца «*всей Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи*». ¹⁴²).

Въ числѣ взятыхъ городовъ былъ и Витебскъ. Онъ былъ взятъ 22 Ноября 1654 г. бояриномъ Василіемъ Петровичемъ Шереметевымъ, послѣ 14-ти недѣльной осады. Побѣдители разрушили замки, взяли съ жителей огромную контрибуцію, а плѣнныхъ разослали въ отдаленные города. (Вит. Стар. № № 72, 73, 76, 77, 79 и 136). ¹⁴³).

Въ слѣдующемъ году «Литовскіе люди собралися многіе, князь Лукомскій да ксепжа Курламскій, пришли подъ Вытепскъ, а въ Вытепскѣ воевода былъ Матѳей Васильевичъ Шереметевъ, и онъ въ ту пору государскимъ счастіемъ в своемъ разумѣ Поляковъ побилъ: послалъ къ нимъ Поляковъ обманомъ, которые остались на государево имя, и велѣлъ сказаться, что де они отѣхали, самъ же на нихъ зашелъ сзадѣ съ семью сотни, а побилъ больше четырехъ тысячъ, и многіе люди въ тѣ поры потонули, стали собираться на рѣку и ледъ подъ ними подломился, они же всѣ потонули. Послѣ же того собрался Лукомскій и пришелъ подъ Витебскъ, и воевода князь Матѳей Васильевичъ Шереметевъ едва отъ нихъ отсидѣлся, а самого рапили» ¹⁴⁴).

По Андрусовскому мирному договору 1667 года, Россія, однако, возвратила Польшѣ Витебскъ, Полоцкъ и другіе города. ¹⁴⁵). Тщетно Янъ Собѣскій старался возвратить то, что было отнято у Литвы Алексѣемъ Михайловичемъ. Ѳедоръ Алексѣевичъ, не смотря на угрозы освободителя Вѣны, былъ непреклоненъ, и въ 1678 г. былъ заключенъ Московскій договоръ, по которому были отданы только Велижъ и Себежъ, завоеванные послѣ Андрусовскаго трактата. ¹⁴⁶).

Московскимъ договоромъ кончилась вѣковая борьба Россіи за Русь Литовскую и Малороссію. Бѣлоруссія, однако, еще не перестала быть театромъ военныхъ дѣйствій, сткрывшихся во время войны Петра Великаго съ Карломъ XII.

Петръ Великій посѣтилъ Витебскъ нѣсколько разъ. Въ *Лѣтописи г. Витебска*, между прочимъ, говорится: «Въ 1701 году, Февраля 19 дня, царь Петръ Алексѣевичъ въѣхалъ въ Витебскъ, съ неслишкомъ большою свалою, по стройно. Остановился у бурмистра Зафатая. Дальъ возможность видѣть се-

бя почти всему вароду. На третій день вы́халъ изъ Витебска въ Биржу». На возвратномъ пути изъ Биржи Петръ также посѣтилъ Витебскъ; 14 Марта, отъуживъ у Зафатая, вы́халъ въ Смоленскъ. Затѣмъ, въ 1705 г., пробывъ 4 дня въ Витебскѣ, Петръ Великій отправился въ Полоцкъ (Вит. Стар. стр. 462 и 464).¹⁴⁷⁾

Витебскіе граждане, держа сторону возведеннаго на тронъ Карломъ XII Польскаго короля Станислава Лещинскаго, тайно послали находившемуся въ Бѣлоруссіи Шведскому войску 7.000 талеровъ. Петръ I, не желая оставить у себя въ тылу укрѣпленнаго мѣста, непріязненнаго ему и его союзнику Августу II, повелѣлъ казакамъ и калмыкамъ, бывшимъ въ его арміи, съ 4 концовъ зажечь Витебскъ. Вотъ какъ разсказывается объ этомъ въ *Лѣтописи г. Витебска* подъ 1708 годомъ: «Капитанъ Соловьевъ (Salawow) съ 500 конныхъ казаковъ и калмыковъ, мѣсяца Сентября 28 дня, выжегъ цѣлый Витебскъ: замки, городъ, ратушу, лавки, Узгорье, Заручевье, Задунавье, четыре костела, двѣнадцать церквей, а съ Зарѣчья взялъ выкупъ 600 талеровъ битыхъ». (Вит. Стар. стр. 466).

Съ тѣхъ поръ Витебскъ обѣдѣлъ, народонаселеніе въ немъ уменьшилось, торговля упала.

Въ 1772 году, по первому раздѣлу Польши, присоединено въ Россіи древнее достояніе ея—земли между Днѣпромъ, Западною Двиною и Дручемъ, или, т. назыв., Бѣлоруссія, въ составѣ коихъ находились воеводства Витебское Мстиславское и части другихъ. Такимъ образомъ, Витебскъ и Витебская губ. вошли въ составъ имперіи Россійской и дальнѣйшая судьба ихъ тѣсно связана съ исторіей этого могущественнаго государства.

Изъ позднѣйшихъ событій наиболѣе памятни для Витебска 1812 и 1831 г.

Въ эпоху Отечественной войны Витебскъ и Витебская губернія раздѣляли общее бѣдствіе государства, но на долю этого края досталась также и часть славы, покрывшей невзглядимымъ блескомъ Русское оружіе.¹⁴⁸⁾

10-го Іюня 1812 года, Наполеонъ (въ Вильковишкахъ) объявилъ въ приказѣ по войскамъ воззваніе, въ которомъ, между прочимъ, говорилось слѣдующее: «Россія увлекается рокомъ! Она не избѣгнетъ судьбы своей . . . И такъ впередъ! Перейдемъ черезъ Нѣманъ, внесемъ оружіе въ предѣлы Россіи!»...

Война началась.

Въ теченіи 12 Іюня главныя силы большой Французской арміи успѣли переправиться черезъ Нѣманъ и заняли Ковно, куда Наполеонъ перенесъ свою главную квартиру.

Русскія войска раздѣлены были на 3 части: 1-я Западная армія, бывшая подъ начальствомъ военнаго министра, Барылая де-Толли, 2-я Западная ар-

мія—подъ начальствомъ князя Багратіона и 3-я Резервная обсерваціонная армія—подъ начальствомъ графа Торماسова.

Пунктомъ для сосредоточенія нашихъ силъ назначень былъ укрѣпленный лагерь при Дриссѣ.

27—29 Іюня 1-я Западная армія завяла Дрисскій лагерь. Укрѣпленія этого лагеря, стоившія значительныхъ трудовъ и издержекъ, не могли служить къ предположенной цѣли—упорной оборонѣ и дѣйствіямъ на сообщенія противника. Императоръ Александръ, прибывъ 27 Іюня въ Дриссу, лично убѣдился въ неудобствѣ этого лагеря. Рѣшено было оставить Дрисскія укрѣпленія.

По предложенію находившагося тогда въ главной квартирѣ ген.-губ. Витебскаго, Могилевскаго и Смоленскаго, герцога Александра Виртембергскаго, поддержанному Барклаемъ, принято направленіе къ Витебску, гдѣ 1-я армія, занявъ выгодныя позиціи, должна была соединиться со Второю. Для продовольствія же войска могли служить магазины, устроенные въ Велижѣ. Первая армія, выступивъ 2 Іюля изъ укрѣпленнаго Дрисскаго лагеря, 6-го достигала Полоцка, гдѣ въ то-же время находился и Императоръ Александръ I.

8-го Іюля войска выступили изъ Полоцка двумя колоннами къ Витебску и вступили въ этотъ городъ 11 Іюля, по Полоцкой дорогѣ. Въ тотъ же день, 3-й, 4-й, 5-й пѣхотные и 1-й кавалерійскій корпуса, переправясь на лѣвую сторону Двины, расположились лагеремъ на рѣкѣ Лучосѣ, по дорогѣ, ведущей въ Бѣшенковичи; 2-й же пѣхотный и 2-й кавалерійскій корпуса остались на правой сторонѣ Двины у Витебска, а 6-й пѣхотный у Старо-Села, имѣя въ полупереходѣ назадъ 3-й кавалерійскій корпусъ.

Фронтъ арміи прикрывала рѣка Лучоса, правый флангъ упирался въ дорогу, которая ведетъ къ переправѣ чрезъ Лучосу (дорога въ Островно); у лѣваго фланга приходился изгибъ незначительнаго, впадающаго въ Лучосу ручья; наконецъ, тылъ арміи простирался до дороги въ Ліозно (эта дорога идетъ съ Задунавья). Главная квартира Первой арміи находилась въ Витебсѣ.

Французская армія тоже двигалась къ Витебску. Мюратъ, съ корпусомъ Нея, тремя дивизіями корпуса Даву и конницею Нансutti и Монбрюва, направился отъ Замоши къ г. Диснѣ, перевелъ тамъ корпусъ Монбрюва на правую сторону Двины, 10 Іюля, и продолжалъ движеніе чрезъ мѣстечко Улу къ Бѣшенковичамъ. Въ то-же время корпусъ Удино, достигнувъ того-же дня Дриссы, разорилъ тамошній укрѣпленный лагерь и двинулся къ Полоцку. Правѣ Мюрата, на Глубокое и Докшицы, слѣдовали гвардія и 4 корпусъ вице-короля, которыя, переправясь чрезъ Улу у Бочейкова, прибыли къ Бѣшенковичамъ 12 Іюля, одновременно съ войсками Мюрата. Самъ Наполеонъ

пріѣхалъ туда-же въ тотъ-же день вечеромъ. Корпусъ Сень-Сира, остававшійся позади, двигался къ Ушачу.

По расположеніи главныхъ силъ 1-й Западной арміи, 11 Іюля, на Лучосѣ, Барклай де-Толли, введенный въ заблужденіе слухами о занятіи кн. Багратіономъ Могилева, не только считалъ соединеніе обѣихъ армій совершенно обезпеченнымъ, но даже надѣялся перейти къ наступательнымъ движеніямъ.

Между тѣмъ, 12 Іюля, Наполеонъ, выславъ изъ Бѣшенковичъ корпусъ Монбрюна по правой сторонѣ Двины, для преслѣдованія корпуса Дохтурова, направилъ главныя силы по лѣвой сторонѣ Двины къ Витебску.

Барклай де-Толли, получивъ объ этомъ свѣдѣніе, отрядилъ, 12 Іюля, въ Островно ген.-лейт. Остермана, съ цѣлью задержать непріятеля и тѣмъ выиграть время. Графъ Остерманъ встрѣтилъ, въ 7 верстахъ отъ Витебска, передовыя войска Нансути, шедшаго во главѣ Наполеоновыхъ войскъ. Русская кавалерія, опрокинувъ ихъ, преслѣдовала до Островна, куда, вслѣдъ за тѣмъ, пришли и прочія войска Остермана.

На слѣдующій день, 13 Іюля, Мюратъ, принявъ начальство надъ корпусомъ Нансути, выступилъ на разсвѣтѣ къ Островно. Съ прибытіемъ туда-же главныхъ силъ Мюрата завязалось общее дѣло между корпусомъ вице-короля и графа Остермана.

Упорный бой продолжался нѣсколько часовъ; войска наши, не взирая на значительно—численный перевѣсъ непріятеля, не уступали поля битвы, и Остерманъ не счелъ даже нужнымъ вводить въ дѣло присланный ему на помощь корпусъ Уварова и 3 пѣхотную дивизію Коновницына,

Въ 8 часовъ утра 14 Іюля, Мюратъ, съ войсками Нансути и Дельзона, подошелъ къ позиціи, занятой полками 3-й пѣхотной дивизіи. Фронтъ ея былъ прикрытъ глубокимъ оврагомъ, правый флангъ—Двиною, которая, однако, въ этомъ мѣстѣ имѣетъ броды, лѣвый—густымъ болотистымъ лѣсомъ. Непріятель атаковалъ дивизію Коновницына почти одновременно съ обонхъ фланговъ. Войска наши долго и храбро отражали всѣ нападенія непріятеля. Наконецъ Коновницынъ приказалъ своимъ войскамъ отступить. Непріятель, видя позади полковъ Коновницына колонны Остермана, не отважился преслѣдовать нашу дивизію, но самъ Наполеонъ, прибывъ на мѣсто сраженія, приказалъ продолжать наступленіе. Русскія войска отходили въ совершенномъ порядкѣ, постепенно, изъ одной позиціи въ другую, до селенія Комары, гдѣ Коновницынъ, съ 9 тысячами человекъ пѣхоты и 3 т. кавалеріи, удерживался противъ 20 тысячъ человекъ до 5 часовъ вечера, а потомъ отступилъ къ Добрейкѣ и, соединившись здѣсь съ остальною дивизію 3 корпуса Тучкова, отошелъ въ ночи за рѣку Лучосу. Туда-же отступ-

пили войска Остермана и прибыли съ правой стороны Двины корпуса Дохтурова и Палева. Наполеонъ остановился на ночлегъ у дер. Какувячина, близъ большой дороги, гдѣ для него разбили палатку; а Мюрать съ авангардомъ— у Добрейки, не доходя 8 верстъ до Витебска.

Войска наши въ обоихъ дѣлахъ, 13 и 14 Іюля, оказали геройскую неустрашимость, но храбрѣйшими изъ храбрыхъ были достойные ихъ начальники, гр. Остерманъ и Коновницынъ. Вотъ что писалъ послѣдній къ своей женѣ въ письмѣ, посланномъ 16 Іюля, изъ-подъ Суража: «Я не посрамился предъ всѣми; былъ съ стрѣлками впереди, имѣлъ противъ себя 2 корпуса и самого Бонапарте, даже его самъ видѣлъ—сходно съ показаніемъ плѣнныхъ—на бѣлой маленькой лошаdkѣ, безъ хвоста. Отъ 8 часовъ утра до 5 часовъ по полудни, я дрался съ 4-мя полками и 2 баталіонами сводныхъ гренадеръ противъ—смѣю сказать—60 т. человекъ... Я цѣлый день держалъ самого Наполеона, который хотѣлъ обѣдать въ Витебскѣ, но не попалъ и на ночь, развѣ на другой день»...

Но превосходство непріятельскихъ силъ было слишкомъ велико. Не смотря на мужественныя дѣйствія нашихъ войскъ и на искусныя распоряженія ихъ начальниковъ, непріятель, пользуясь своими двойными силами, успѣлъ приблизиться къ Витебску, гдѣ были, какъ сказано, расположены главныя силы 1-й Западной арміи.

Между тѣмъ, въ ночи съ 14 на 15 Іюля, обнаружилось, что кн. Багратионъ не успѣлъ занять Могилева, а потому Баркалай де-Толли рѣшился на отступление къ Смоленску.

Отступление вблизи непріятельской арміи б. весьма затруднительно. Главнoкомандующій, желая скрыть свое намѣреніе, поручилъ отряду гр. Палева задержать непріятеля на пути къ Витебску. Съ этою цѣлью, гр. Палевъ занялъ въ 8 вер. отъ города позицію, прикрытую съ фронта незначительною рѣчкой, впадающею въ Двину, а съ праваго фланга Двиною; лѣвый флангъ былъ совершенно открытъ. Мѣстность, стѣсненная съ одной стороны рѣкой, а съ другой поросшими лѣсомъ высотами, была крайне неблагопріятна для расположенія кавалеріи, но переменить позицію было уже поздно.

15 Іюля, на разсвѣтѣ, Наполеонъ повелъ войска свои по дорогѣ къ Витебску. Пройдя около 2 верстъ, непріятели открыли нашъ арріергардъ; за нимъ, вдали, можно было усмотрѣть, какъ-бы въ туманѣ, расположенія главныхъ силъ Барклая де-Толли. Витебскія колокольни возвышились противъ лѣваго фланга Французовъ. Непріятель, подойдя къ рѣчкѣ, приступилъ къ возобновленію мостика, сожженнаго наканунѣ Русскими войсками. Эта работа, совершенная подъ огнемъ нашей гвард. конной артиллеріи, потребовала много времени; затѣмъ, 16-й конно-егерскій полкъ двинулся по мосту чрезъ рѣчку;

пѣхота Брусье, перейдя также через мостъ, построилась въ кареяхъ, между тѣмъ какъ одинъ изъ егерскихъ полковъ направился къ лѣсистымъ высотамъ, гдѣ стояло лѣвое крыло нашего отряда, а 16 конно-егерскій, съ двумя стрѣлковыми ротами 9 линейнаго полка, кинувшись влѣво, значительно отдалялся отъ прочихъ войскъ. Паленъ, пользуясь тѣмъ, послалъ противъ него въ атаку лейбъ-казаковъ, поддержанныхъ 2 эскадронами Сумскаго гусарскаго полка. Французскіе конные егеря остались на мѣстѣ и, какъ только подскакала къ нимъ наша кавалерія, встрѣтили ее залпомъ изъ карабиновъ; но это не остановило казаковъ и гусаръ, которые быстрымъ ударомъ смяли егерей, опрокинувъ ихъ въ оврагъ и кинулись на стрѣлковъ. Непріятельскія 2 роты, окруженные со всѣхъ сторонъ нашею конницею, успѣли, однако, построить кучки и отступили къ оврагу, гдѣ были выручены 53 линейнымъ полкомъ. Самъ Наполеонъ, слѣдившій за ходомъ дѣла съ небольшого холма, съѣхалъ оттуда за оврагъ и, поровнявшись со стрѣлками, спросилъ: «Какого вы полка?»—«9-го линейнаго и всѣ Парижане»—отвѣтили они. «Вы молодцы; всякій изъ васъ достоинъ креста!»—сказалъ Наполеонъ, провожаемый далѣе по всей линіи восклицаніями: «да здравствуетъ Императоръ!»

Между тѣмъ войска Брусье, построенныя въ полковыхъ каре, въ интервалахъ которыхъ стояла артиллерія, подались впередъ, но были остановлены рѣшительными атаками Русской конницы. Наполеонъ былъ принужденъ ввести всю кавалерію Нансуги и пѣхоту Дельзона, и тогда Паленъ, видя явную невозможность удержаться противъ столь превосходныхъ силъ, отступилъ за Лучосу, въ 5 часу пополудни.

Сраженія 13, 14 и 15 Іюля стоили дорого какъ намъ, такъ и непріятелю. Съ нашей стороны убито 827 человекъ, ранено 1855, безъ вѣсти пропало 1082, а всего 3764 чел. Уронъ непріятеля простирался до 3704 чел., изъ коихъ захвачено въ плѣнъ 300 ч.

Ровно въ 4 часа, армія наша начала отступление къ Смоленску.

Войска отступали тремя колоннами: правая слѣдовала по Суражской дорогѣ къ Агапоновщинѣ; средняя, при которой находилась главная квартира,— по дорогѣ въ Порѣчье, къ Веледичамъ; лѣвая—по кратчайшей дорогѣ къ Смоленску, ведущей на Рудню. Арріергардъ Палена оставался до разсвѣта слѣдующаго дня на Лучосѣ. Огромныя бивуачные огни, пылавшіе на мѣстѣ бывшаго лагеря арміи, утвердили Наполеона въ надеждѣ сразиться съ главными силами Русской арміи.

На слѣдующій день, 16 Іюля, правая колонна, подъ прикрытіемъ главнаго арріергарда Палена, отошла къ Яновичамъ по старой Смоленской дорогѣ, средняя къ Колышвамъ, лѣвая—къ Ліознѣ (черезъ Задунавье).

На разсвѣтѣ Наполеону донесли, что Русскіе отступаютъ. Желая лично

удостовериться въ справедливости этого неожиданнаго извѣстія, Наполеонъ самъ отправился къ бывшему Русскому лагерю. Прибывъ за Лучосу, онъ увидѣлъ опустѣлыя биваки; тутъ не было ничего забытаго, ничего такого, что свидѣтельствовало о торопливости отступленія. Отрядивъ отрядъ для преслѣдованія нашего арріергарда, Наполеонъ началъ готовиться къ торжественному вступленію въ оставленный, а не взятый съ боя, г. Витебскъ.

Между тѣмъ, непріятельская кавалерія, неосторожно преслѣдовавшая арріергардъ Палена, потерпѣла пораженіе при Агапоновщавѣ.

Французскіе войска, истомленные недостаткомъ въ провіантѣ и фуражѣ, изнемогали отъ зноя, доходившаго въ тѣни до 28 градус. (по Р.). Наполеонъ, уже не надѣясь разобщить наши арміи, рѣшился прекратить преслѣдованіе и дать отдыхъ своимъ войскамъ, чтобы присоединить къ нимъ отсталыхъ и собрать необходимыя запасы въ окрестной странѣ.

20 Юля, главныя силы 1-й Западной арміи соединились при Смоленскѣ и стали лагеремъ по правому берегу Днѣпра. Главная квартира находилась въ Смоленскѣ.

Со стороны Наполеона, войска, дѣйствовавшія противъ Барклая, расположены были слѣдующимъ образомъ: Главная квартира въ Витебскѣ, гдѣ находилась и гвардія; корпусъ вице-короля въ Суражѣ, на Двинѣ, составлялъ лѣвое крыло; правѣе, противъ Рудни, вся кавалерія Мюрата и сзади его—корпусъ Нея, а за Неемъ между Бабиновичами и Витебскомъ, три дивизіи Даву. Сень-Сиръ оставался, по прежнему, у Бѣшенковичей.

Пятинедѣльный походъ Наполеона отъ береговъ Нѣмана къ Витебску не имѣлъ никакихъ послѣдствій, кромѣ быстрого занятія нѣсколькихъ губерній, скудныхъ средствами и опустошенныхъ войсками обѣихъ армій.

Посмотримъ теперь, что дѣлалось въ Витебскѣ, когда стало извѣстно, что Русская армія уступаетъ его непріятелю. Генераль-губернаторъ Витебскій, Могилевскій и Смоленскій, Е. В. герцогъ Александръ Виртембергскій, за два дня до вступленія непріятеля и передъ выѣздомъ своимъ изъ Витебска, призвавъ нѣкоторыхъ гражданъ, предварилъ ихъ, что въ случаѣ Россійское войско оставитъ г. Витебскъ, то чтобы жители не противились непріятелю, а въ сердцахъ своихъ хранили бы долгъ вѣрности своему государю. Комендантомъ Витебска былъ назначенъ бригадиръ Храповицкій.¹⁴⁹

«Слухъ о приближеніи Французовъ, пишетъ одинъ современникъ—очевидецъ, навелъ страхъ и ужасъ на всѣхъ мирныхъ жителей. Національныя Россіяне начали прежде всѣхъ высылать свое имѣніе изъ домовъ и изъ лавокъ, куда кто могъ, а потомъ и сами удалились. Чиновники, находившіеся въ штатской службѣ, имъ послѣдовали, а нѣкоторые и упредили. Въ короткія средилѣтнія ночи, скрипъ и стукъ по улицамъ повозокъ, заволачиванія въ

домахъ ящиковъ, вопли и гулы рабочихъ и хозяевъ наводили на мой томный духъ уныніе, когда я, не имѣя ни сна, ни аппетита, ходилъ по дорожкамъ въ моемъ саду, не зная, что думать и что начать». ¹⁵⁰).

«Въ ночь съ 15 на 16 Іюля никто изъ жителей не могъ сомкнуть глазъ, рассказываетъ другой очевидецъ,—во всѣхъ домахъ суетились закапывали въ землю цѣнныя вещи, прятали и заколачивали въ сундуки и высылали съ своими семействами на возахъ или экипажахъ, куда кто могъ, въ надеждѣ, что туда не придутъ Французы. ¹⁵¹). Болѣе же всего отправилось въ г. Невель, куда въ то время изъ Витебска поѣхало много чиновниковъ, дворянъ, купцовъ, чернаго и бѣлаго духовенства; туда-же были отправлены дѣла разныхъ присутственныхъ мѣстъ и переведены гимназія и семинарія.

Сохранился весьма интересный списокъ купцовъ, составленный Французскими властями. Изъ этого списка видно, что купеческихъ христіанскихъ семействъ было 81, изъ нихъ 35 помѣчены выѣхавшими за Русской арміей; еврейскихъ семействъ было всего 7 (въ количествѣ 42 душъ муж. пола); всѣ онѣ, разумѣется, остались въ Витебскѣ. (Вит. Стр. № 150).

О евреяхъ рассказываютъ, что они одинаково привѣтствовали, какъ ряды вступившихъ въ Витебскъ непріятелей, такъ въ послѣдствіи и наши побѣдоносныя войска: «Хвала Богу, что наши пришли», такъ говорили они и тѣмъ и другимъ.

На разсвѣтѣ 16 Іюля, эскадронъ французскихъ егерей и эскадронъ мамелюковъ въѣхали въ городъ, подскакали къ гауптвахтѣ, гдѣ сойдя съ лошадей, одни заняли ее, другія направились назначать квартиры для штаба императора и генераловъ. Спустя часъ, начали вступать въ городъ Французскіе пѣхотные полки, кои и выстроились по сторонамъ Заручевской, Замковой и Смоленской улицъ. Здѣсь войска поставили ружья въ козлы, скинули съ себя ранцы и ожидали въѣзда императора, остановившагося по дорогѣ противъ Лукишекъ, въ верстѣ отъ города.

Наполеонъ, сойдя съ лошади, сѣлъ при большой дорогѣ и, спустивъ ноги въ канаву, смотрѣлъ на проходившія мимо его войска.

Ровно въ 7 часовъ утра, Наполеонъ въѣхалъ въ городъ среди своихъ маршаловъ и генераловъ, одѣтыхъ въ шитые золотомъ мундиры, что представляло разительную противоположность со скромною одеждою самого императора, имѣвшаго на себѣ зеленый мундиръ со звѣздою, поверхъ его сѣрый растегнутый сюртукъ, а на головѣ треугольную шляпу безъ пера. Наполеонъ на буланой лошади ѣхалъ шагомъ между двумя рядами войскъ, привѣтствовавшихъ его громогласнымъ крикомъ: «да здравствуетъ императоръ!»

Онъ привѣтливо отвѣчалъ на поклоны жителей, въ особенности дамъ, съ любопытствомъ на него смотрѣвшихъ изъ всѣхъ растворенныхъ оконъ.

Проѣхавъ такимъ образомъ за Смоленскую заставу, Наполеонъ проскакалъ по Петербургской дорогѣ версты 3 и, осмотря мѣстность, возвратился въ отведенный ему домъ. Войдя въ комнату, онъ отстегнулъ свою шпагу, бросилъ ее на столъ, покрытый развернутыми картами Россіи, и сказалъ: «Я здѣсь останавлиюсь, ознакомлюсь съ мѣстностью, соедявлю корпуса моей арміи, дамъ ей отдохнуть и устрою Польшу. Военныя дѣйствія компаніи 1812 года окончены; будущій годъ окончитъ остальное!»

Въ то-же время во дворцѣ, обыкновенно занимаемомъ ген.-губернаторомъ, дѣлали приготовленія къ его помѣщенію.

Въ продолженія первыхъ трехъ дней по занятіи Витебска, Французскіе войска проходили чрезъ городъ, направляясь по дорогамъ, ведущимъ къ Смоленску на мѣстечки Яновичи и Ліозно.

Въ самомъ же Витебскѣ остался только конвой императора, состоявшій изъ отряда мамелюковъ, конныхъ гренадеръ, конныхъ егерей и польскихъ уланъ. Наполеонъ имѣлъ привычку ежедневно ѣздить верхомъ по городу и за городъ, почти всегда въ 7 часовъ пополудни (иногда и 2 раза въ день), съ многочисленною свитою. Хорошо ознакомившись съ городомъ, онъ принялъ мѣры къ временному укрѣпленію его, на случай атаки съ нашей стороны. Въ этихъ видахъ построены были на нѣкоторыхъ улицахъ баррикады, состоявшія изъ высокаго остроконечнаго частокола, предъ которымъ насыпанъ земляной валъ. Такого рода укрѣпленія были сооружены: на Заручевь—у еврейской синагоги, на Задуновь—предъ мостомъ, близъ Смоленской заставы и въ Зарѣчной части—возлѣ церкви св. Симеона, окна которой превращены въ амбразуры для стрѣльбы изъ орудій, помѣщенныхъ внутри храма. На Двинѣ построены были 3 моста; лѣсъ, желѣзо, канаты и другіе матеріалы для этой постройки Французы забирали, гдѣ находили.

Для устройства передъ дворцомъ площади, сломано нѣсколько деревянныхъ домовъ и стѣны строившейся каменной Преображенской церкви.

На этой площадкѣ, въ 6 часовъ утра, въ присутствіи Наполеона, ежедневно бывалъ разводъ, на которомъ обязанъ былъ находиться штабъ императора.

На площадкѣ предъ домомъ и въ самомъ домѣ дворянскаго собранія были на-скоро устроены печи для приготовленія войскамъ хлѣба.

Успенскій соборъ превращенъ былъ въ временный госпиталь; въ Воскресенско-Рычковой церкви устроены были запасы сѣна и соломы; въ Воскресенско-Заручевской—поставлены жернова для перемола хлѣба; монастырь Бернардиновъ превращенъ въ провіантскій магазинъ, а старая Борисоглѣбская церковь, уединенно стоящая надъ берегомъ Двины, сдѣлалась вмѣсталащемъ пороха и прочихъ огнестрѣльныхъ снарядовъ.

Жителямъ строго было воспрещено держать у себя оружіе.

Въ одной изъ комнатъ дворца Наполеонъ повелѣлъ устроить домашнюю церковь, въ всякій праздникъ слушалъ литургію. Службу совершалъ ксендзь Полонскій, тотъ самый, который по волѣ Наполеона, передъ собранными въ іезуитскомъ костелѣ гражданами произнесъ рѣчь, приглашая ихъ присягнуть въ вѣрноподданствѣ императору Французовъ. Присягнувшій обязанъ былъ на рукавѣ носить цвѣтную кокарду: кто ея не имѣлъ, тотъ не смѣлъ показаться и на улицѣ, иначе подвергался оскорбленіямъ, а нерѣдко и побоямъ.

По вступленіи Наполеона въ Витебскъ, въ полкахъ непріятельскихъ скоро явились недостатки, неповиновеніе, грабежи по деревнямъ, да и въ самомъ городѣ. Фуражиры и мародеры наводнили окрестности Витебска. Главнѣйшія мѣста ихъ поисковъ были господскія дома и усадьбы; первымъ требованіемъ солдатъ было пища, деньги, водка. Насытившись, принимались хозяйничать въ домѣ: отворяли сундуки, комоды, шкафы; распарывали тюфяки, подушки; поднимали полы, били шомполомъ по стѣнамъ, наблюдая по звуку, капитальная-ли стѣна, или имѣющая пустое мѣсто въ срединѣ. Осмотрѣвши и, такъ сказать, ограбивши домъ, отправлялись въ амбары, кладовыя, погреба, забирали платье, бѣлье, обувь, съѣстные припасы, фуражъ, лошадей, рогатый скотъ и домашнихъ птицъ; словомъ, не оставляли ничего. Наслышавшись о такомъ грабительствѣ, помѣщики, желая охранить свои дворы отъ совершеннаго разоренія, выпрашивали у Французскихъ чиновниковъ охранныя листы и по нѣсколько солдатъ; но впоследствии, когда дѣла непріятели пошли худо, то не помогало и это средство, въ особенности при отступленіи непріятели.

Состояніе Витебска, во время пребыванія въ немъ Французовъ, хорошо описано однимъ изъ Витебскихъ домовладѣльцевъ—очевидцевъ. Въ этомъ описаніи, между прочимъ, говорится: «Услыхавъ, что Наполеонъ уже въ Витебскѣ и грабежъ пресѣкается, мы туда отправились: жевшины несли дѣтей, иныя вели ихъ за руки, мушкетеры шли пѣшкомъ. Въ Витебскѣ, по всѣмъ улицамъ, которыми я проходилъ, всѣ дома, сараи, амбары были наполнены Французами; по улицамъ не было видно гражданъ, кромѣ бѣдныхъ и евреевъ; на задвижнѣ лавки и погреба были пусты, двери вездѣ отперты, поломаны, стекла побиты, оконницы расколоты, иныя висѣли на одномъ крюку, вкось по окну. Въ церквахъ, костелахъ, монастыряхъ лежали раненные и больные и тамъ же хранились для нихъ запасы. Въ моемъ домѣ рѣшетка, отдѣлявшая садъ отъ подворья были поломаны и разбросаны, садъ обращенъ въ конюшню и пастбище. Слуги квартировавшаго у меня постояльца ставили на фортепьянѣ горшки, кострюли, крошили табакъ; по стѣнамъ, между картанами, развѣшивали сырое мясо, съ утра топили печи, трубы не закрывались, двери и

овна тоже не затворялись; имѣя предъ глазами дрова, ломали заборы, палисады; въ горницахъ рубили мебель на топку печей въ самое лучшее лѣтнее время. Со всѣхъ сторонъ входили въ домъ солдаты, брали все, что можно было захватить. Многіе изъ разоряемыхъ подобнымъ образомъ гражданъ жаловались начальству, но правосудія не было: начальники не могли ничего сдѣлать—ихъ не слушали. Нѣкоторые изъ обывателей, между прочимъ два брата Бибки, приносили жалобу даже самому Наполеону, который, спросивъ у нихъ чрезъ переводчика: «Czy jeszcze zabuіа?», приказалъ увеличить патрули въ нѣсколько разъ.

Предположеніямъ Наполеона касательно зимовки въ Витебскѣ не суждено было осуществиться. 1 Августа онъ выступилъ съ арміей къ Смоленску, пробывъ въ Витебскѣ 16 дней.

Въ занятыхъ непріятелямъ губерніяхъ учреждалось временное правительство. Въ Вильнѣ была главная правительственная коммисія (Gouvernement provisoire de la Lithuanie), власть которой простиралась на Литву и Бѣлоруссію, и которая была подчинена ген. адъютанту Наполеона, графу Гогендорпу. За тѣмъ главное начальство надъ Бѣлоруссіею было поручено ген. Шарпантье (онъ же и губернаторъ Витебска). Въ каждомъ губернскомъ городѣ устраивалась правительственная коммисія, управлявшая губерніею, и, наконецъ, въ каждомъ уѣздномъ городѣ опять таки коммисія, подъ предсѣдательствомъ подпрефекта, распоряжавшагося въ уѣздѣ. Кромѣ того, въ каждомъ городѣ было полицейское управленіе, состоящее изъ отдѣленій: административнаго и судебного, магистратъ и уголовный судъ.

Еще въ бытность Наполеона составила въ Витебскѣ губернская правительственная коммисія. Сначала эта коммисія состояла изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдатель—губернаторъ Витебска и интендантъ, члены: бригадиръ Храповицкій, Станиславъ Богомолецъ, Юревичъ и Іосифъ Шаверновскій; впоследствии предсѣдателемъ былъ интендантъ губерніи—dePastoret, вторымъ членомъ—графъ Іосифъ Борхъ, генеральнымъ секретаремъ—Янъ Щитъ. Тогда же назначены были подпрефектомъ Витебскаго уѣзда Станиславъ Богомолецъ, а меромъ Витебска—Ромуальдъ Богомолецъ. Магистратъ, котораго занятія на время прерваны были вступленіемъ въ городъ непріятеля, снова открылъ свои засѣданія. Его составляли: городской голова—Гавріилъ Ліорко, бурмистры: Запольскій и Луческій; ратманы: Павелъ Гарманъ, Андрей Суваръ, Василій Скуратовичъ и еврей Церлинь. Городская полиція устроилась около 20 Августа; она состояла изъ главнаго комиссара Красовскаго и ассесоровъ: Сухаря, Ледоховскаго и Лимановскаго. Наконецъ, уголовной судъ учрежденъ былъ въ концѣ Сентября.

Для жителей Витебска самымъ важнымъ правительственнымъ учрежденіемъ

былъ магистратъ, какъ потому, что до конца почти Августа онъ былъ и единственнымъ въ городѣ учрежденіемъ, вмѣшавшмъ ближайшее соприсношеніе съ населеніемъ, такъ и потому, что производившіяся въ немъ дѣла касались самыхъ существенныхъ сторонъ вновь возникавшей тогда общественной жизни. Высшее начальство и городскіе жители безпрестанно осаждали магистратъ крайне разнообразными требованіями, жалобами, просьбами и заявленіями.

Магистратъ собиралъ съ обывателей то, что требовалось и отсылалъ по назначенію, оставляя у себя списки, что у кого взято и куда отдано. (Вит. Ст. № 147).

Вообще, не проходило дня, чтобы военныя власти не требовали отъ магистрата какихъ-либо сборовъ съ населенія, рабочихъ, строевыхъ матеріаловъ, дровъ, разныхъ принадлежностей домашняго хозяйства, сѣна, овса и проч. За нѣкоторыя, взятая у жителей вещи и матеріалы, равно какъ и за работы, иногда платили, но, впервыхъ, это было рѣдко, а воторыхъ, платили деньгами, собранными съ жителей же.

Въ концѣ Августа (21 и 25) были сдѣланы распоряженія о сборѣ съ жителей города, такъ-называемой, почтовой и поголовной податей.

Установленное непріателемъ правительство дорого стоило жителямъ, но оно вовсе не обезпечивало общественнаго спокойствія и не ограждало отъ насилій и разваго рода несправедливостей. Каждый прохожій, сидѣлецъ въ лавкѣ, даже полицейскій или магистратскій чиновникъ, исполняющій свои служебныя обязанности, рисковалъ быть схваченнымъ Французами и отправленнымъ на разные работы. (См. Вит. Ст. стр. 307).

Хотя ночью, въ разныхъ пунктахъ города, стояли караулы и по улицамъ ходили патрули, но они были плохими охранителями. (Вит. Ст. стр. 308). Впрочемъ, судя по разсказамъ старожиловъ, и мѣщане, при удобномъ случаѣ, не давали спуска Французамъ.

Занятіямъ Москвы кончилось торжество Наполеона.

Отступленіе непріателя, сначала все еще грозное, началось 6 Октября; послѣ битвы при Малоярославцѣ, это отступленіе начало переходить почти въ бѣгство. Растроенные, голодные, мучимые наступившими холодами, съ тылу и по флангамъ преслѣдуемые нашими войсками, торопливо отступали Французы по прежнему, имъ же разоренному, пути.

Еще въ началѣ Іюля, Барклай де-Толли, вачная отетупленіе отъ Дриссы на Витебскъ, оставилъ на правомъ берегу Двины корпусъ Витгенштейна, для прикрытія Петербургской дороги. Въ то-же время Наполеонъ, слѣдуя съ главными силами за Барклаемъ, оставилъ на Двицѣ, для дѣйствія противъ Витгенштейна корпусъ Удино, который, въ концѣ Іюля, былъ подкрѣпленъ еще корпусомъ Сень-Сира. Наша губернія и была почти исключительно, по

крайней мѣрѣ съ конца Іюля, театромъ военныхъ дѣйствій этихъ фланговыхъ корпусовъ, тогда какъ обѣ главныя арміи, послѣ нѣсколькихъ горячихъ авангардныхъ стычекъ у Витебска, удалились къ Смоленску, затѣмъ къ Москвѣ и, наконецъ, обратно къ Смоленску.

Описаніе блистательныхъ дѣлъ Витгенштейна у Клястиць (18 и 19 Іюля), Боярщины (20 Іюля), Головщиць (20 Іюля), у Свольны (30 Іюля), у Полоцка (5 и 6 Августа), опять у Полоцка (въ началѣ Октября) — слишкомъ далеко завлекло бы насъ. Взявъ, послѣ кровопролитныхъ сраженій 6-го, 7-го и съ 7-го на 8-е Октября, Полоцкъ, Витгенштейнъ получилъ рѣшительный перевѣсъ надъ непріятелемъ и заставилъ его удалиться отъ Двины. Затѣмъ, послѣ пораженія у Чашникъ, 19 Октября, непріятель былъ отброшенъ къ Сѣвню. Пользуясь своимъ рѣшительнымъ превосходствомъ, Витгенштейнъ остановился съ главными силами для отдыха и соображеній на счетъ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій, теперь уже долженствовавшихъ стать въ тѣсную связь съ дѣйствіями главной арміи, — въ Чашникахъ, и отсюда отправилъ отрядъ подъ начальствомъ ген. Гарпе къ Витебску, чтобы очистить этотъ городъ отъ непріятеля. 25 Октября Гарпе прибылъ въ Старое Село.

Отступление Наполеона и успѣхи Витгенштейна дѣлала положеніе Витебскаго гарнизона весьма ненадежнымъ. 24 Октября Французы еще требовали 20-ти головъ рогатаго скота, по этимъ днемъ и кончилась дѣятельность учрежденныхъ въ Витебскѣ непріятелемъ присутственныхъ мѣстъ.

Желая отрѣзать отступление непріятелю, занимавшему Витебскъ, Гарпе раздѣлилъ свой отрядъ на 2 части. Самъ, съ главными силами, выступилъ къ Витебску по Полоцкой дорогѣ, а подполковнику Сталыпину, съ двумя эскадронами, приказалъ переправиться чрезъ Двину и слѣдовать туда-же по Островлянской дорогѣ. 24 числа, въ 7 часовъ утра, оба отряда подошли къ Витебску. Непріятель, какъ видно, не ждалъ нападенія такъ скоро и не успѣлъ надлежащимъ образомъ къ нему приготовиться. Французскій караулъ, стоявшій у Полоцкой заставы, замѣтивъ Русскихъ, поднялъ тревогу; непріятели быстро очистили Задвинье, оставляя бывшіе тамъ провіантскіе склады, переправились на лѣвый берегъ рѣки и зажгли мостъ. Помѣстивъ два орудія на Лысой и Замкокой горахъ, непріятели перекрестными выстрѣлами препятствовали переходу нашихъ войскъ чрезъ мостъ. Нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ картечью изъ выдвинутыхъ нашими къ берегу Двины орудій заставили Французскихъ стрѣлковъ очистить ближайшее въ мосту пространство. Тогда охотники, вызванные изъ регулярнаго войска и бывшей при отрядѣ Гарпе дружины, вмѣстѣ съ спѣшавшимися улавами, бросились на горѣвшій мостъ, счастливо перебѣжали на другой берегъ и ударили на непріятеля. Вслѣдъ затѣмъ часть отряда и сбѣжавшіеся на помощь Русскимъ жители

города принялись тушить и на-скоро поправлять мостъ. Въ то-же время Гарпе двинулъ на помощь охотникамъ два эскадрона, подъ начальствомъ маіора Винтера. По городскимъ улицамъ началась свалка; Французы отчаянно защищались, но были выбиты изъ города и бросились на Смоленскую дорогу. Тамъ атаковалъ ихъ Сталыпинъ. Преслѣдуемый имъ непріятель, верстахъ въ 15 отъ Витебска, остановился, занялъ вѣрную позицію и съ двумя орудіями приготовился удержать напоръ Сталыпина. Но Русскіе безстрашно бросились на Французовъ, выбили ихъ изъ позиціи и отбили оба орудія.

При взятіи Витебска, Русскимъ достался провіантскій магазинъ съ 750 четвер. муки и ржи, 40 четв. крупы, 4 тысячи пудовъ сѣна и 6 бочекъ водки; около 300 плѣнныхъ, между которыми б. Витебскій губернаторъ Пуже, комендантъ Шеаре, 10 офицеровъ, 7 жандармовъ и нѣсколько чиновниковъ учрежденнаго Французами правительства. Съ нашей стороны вышло при этомъ изъ строя 44 человекъ.

Оставивъ въ Витебскѣ гарнизонъ подъ начальствомъ полковника Палена, Гарпе, съ остальными войсками своего отряда, удалился къ Бѣшенковичамъ.

Отъ Смоленска Наполеонъ продолжалъ отступленіе на Оршу, оставивъ Витебскъ въ сторонѣ. Такимъ образомъ, этотъ городъ избѣгнулъ вторичнаго вѣдствія непріятеля, озлобленнаго бѣдственнымъ для него окончаніемъ кампаніи, изнуреннаго голодомъ и холодомъ, и потому, съ большимъ, нежели прежде, ожесточеніемъ разорявшаго лежавшаго по пути отступленія мѣстности.

День 26 Октября 12 года былъ днемъ торжества для Витебска. Жители встрѣчали со слезами радости и привѣтомъ своихъ избавителей, послѣ трехмѣсячной неволи и страданій. «Въ три мѣсяца слишкомъ бытности Французовъ въ Витебскѣ, говоритъ современникъ-очевидецъ, не слышно было ни колокола, ни пѣтуха: первый былъ запрещенъ, а второй былъ съѣденъ».

«Невозможно—говоритъ историкъ Отечественной войны, М. Богдановичъ—съ совершенною достовѣрностію опредѣлить убытки, нанесенные жителямъ непріятельскими войсками. Сколько можно судить изъ свѣдѣній, собранныхъ на мѣстѣ,—свѣдѣній, частію неполныхъ, частію преувеличенныхъ, каждая изъ Бѣлорусскихъ губерній претерпѣла разореніе на сумму до 18 милліоновъ руб. Потеря въ народонаселеніи также была весьма значительна. По ревизіи 1811 г. въ Витебской губерніи числилось 352474, а по ревизіи 1816 года 315481 душа».

Что касается собственно Витебска, то лучшимъ доказательствомъ бѣдствій, какія вытерпѣлъ нашъ городъ въ эпоху 12 года, прозваннаго народомъ несчастнымъ и разореннымъ,—могутъ служить слѣдующія цифры, извлеченныя изъ дѣла Витебской Городской Думы. (См. Вит. Ст. № 148).

Въ 1812 году числилось въ Витебскѣ всего вообще жителей муж. п. душъ 6708, въ томъ числѣ христіанъ: купцовъ 376, мѣщанъ 2943; евреевъ: купцовъ 56, мѣщанъ 3.333.—Въ 1813 году, по свѣдѣніямъ, собраннымъ къ 30 Апрѣля, оказалось христіанъ: купцовъ 87, мѣщанъ 1124; евреевъ: купцовъ 4, мѣщанъ 1200, а всего 2415 душъ муж. пола Изъ этого видно, что народонаселеніе нашего города, только въ одномъ муж. полѣ, уменьшилось на 4 тысячи 293 души, т. е. почти на 79%.

Матеріальныя или имущественныя потери также громадны. Изъ вѣдомости, представленной начальнику губерніи отъ Витебской Городской Думы, обще съ магистратомъ, 30 Апрѣля 1813 г., за № 287 (См. Вит. Ст. № 148), видно, что общій итогъ убытковъ, понесенныхъ жителями Витебска отъ нашествія Французовъ, равняется 1.687.736 р. 59½ к. ассигнаціями; изъ этого числа на долю христіанъ приходилось 683.956 р. 44 к., а на долю евреевъ 1.003.780 р. 15¼ к.

Въ началѣ Января 1831 года слухи о постепенномъ распространеніи въ Юго-Западныхъ губ. холеры начали сильно беспокоить жителей Витебска. 24 Мая холера появилась въ Полоцкѣ, а около 5-го Іюля и въ Витебскѣ. Въ теченіе первыхъ семи дней заболѣло 581 человекъ. При всемъ томъ, число жертвъ холеры въ Витебскѣ, сравнительно съ нѣкоторыми другими мѣстностями этой губерніи и массой народонаселенія, было не велико; въ общей сложности, со дня открытія эпидеміи, по 1-е Августа, изъ числа 1287 заболѣвшихъ, умерло 494; между тѣмъ какъ по всей губерніи изъ 32856 заболѣвшихъ, по 8 Октября, умерло 20387. ¹⁵¹).

Жертвою холеры сдѣлался и в. в. Константинъ Павловичъ; в. князь прибылъ въ Витебскъ изъ Варшавы 3 Іюня, а 15 числа того же мѣсяца скончался. ¹⁵²).

Что касается ближайшихъ къ намъ событій Витебска, то здѣсь отмѣтимъ лишь слѣдующія, болѣе или менѣе выходящія изъ ряда обыкновенныхъ.

Въ 1855 году, Іюля 7-го дня, въ 4½ ч. пополудни, разразился надъ Витебскомъ страшный ураганъ съ градомъ и молніей. Не смотря на его кратковременность, въ разныхъ частяхъ города произошли значительныя опустошенія, причивившія жителямъ и городу убытка до 73 т. рублей. Пожаромъ, происшедшимъ отъ удара молніи, сожжена деревянная церковь св. Іоанна Богослова.

1861 годъ памятенъ Витебску по множеству пожаровъ, происходившихъ, большею частію, отъ поджоговъ; пожаръ съ 12-го на 13-е Іюля уничтожилъ цѣлый кварталъ, прилегающій къ Смоленской улицѣ, а пожаръ съ 15-го на 16-е Октября истребилъ лучшіе дома Подвинской улицы.

Съ 1862 г. Польское населеніе города начало устраивать, въ видахъ заявленія своего сочувствія къ мятежнымъ замысламъ Польши, разныя манифестаціи. Наконецъ, 17 Апрѣля 1863 года, вѣсколько человекъ, преимущественно молодыхъ канцелярскихъ чиновниковъ и гимназистовъ, выйдя изъ Витебска, пытались присоединиться къ начавшимъ формироваться въ губерніи шайкамъ инсургентовъ; но они скоро были пойманы. Обстоятельства эти имѣли послѣдствіемъ объявленіе въ Витебскѣ военнаго положенія.

15 Іюня 1863 г. происходили торжественныя похороны рядоваго здѣшняго баталіона внутренней стражи Самуила Гриценка, умершаго отъ раны, полученной имъ въ дѣлѣ съ мятежниками, происходившемъ 27 Апрѣля, при Лезно, въ имѣніи помѣщика Піоро.

1866 года, Октября 1-го, открыто движеніе по Динабурго-Витебской желѣзной дорогѣ.

1867 года, Марта 26-го, послѣдовало открытіе постояннаго чрезъ рѣку Двину моста.

1868 года, Ноября 19-го, открыто движеніе по Орловско-Витебской желѣзной дорогѣ.

1872 года, Апрѣля 2-го, послѣдовало распоряженіе министра юстиціи объ открытіи мировыхъ учрежденій. 4-го Апрѣля были приведены къ присягѣ мировые судьи и предсѣдатели мировыхъ сѣздовъ.

1875 г., Апрѣля 29-го, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о введеніи Городоваго Положенія въ Западномъ краѣ. Первое засѣданіе Витебской городской думы въ новомъ составѣ состоялось 17 Августа 1876 г.

ГЛАВА II.

Сказавъ нѣсколько словъ о политической жизни Витебска, я перехожу къ очерку религіозной жизни въ предѣлахъ вышней Полоцкой епархіи.

Въ числѣ древнѣйшихъ Русскихъ городовъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ, находится и Полоцкъ, какъ главный въ племени Славяно-Кривичей.

Полочане съ дружинами другихъ Славяно-Русскихъ племенъ почти всегда участвовали въ походахъ на Грецію, при Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ, пользовались, наравнѣ со всѣми, выгодами мирныхъ трактатовъ и имѣли торговыя сношенія съ просвѣщенными Греками. ¹⁵³).

Поэтому должно думать, что и въ Полоцкѣ, подобно тому какъ въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ Греческою цивилизаціею насаждалась незамѣтно и христіанская вѣра, а слѣдовательно, еще до общаго крещенія Руси Владиміромъ свят. уже могли быть здѣсь христіане. Но христіанство возымѣло рѣшительный перевѣсъ надъ язычествомъ въ Полоцкѣ при кн. Изяславѣ Владиміровичѣ, со времени котораго оно сдѣлалось господствующимъ и во всемъ Полоцкомъ княжествѣ. Это предположеніе довольно вѣроятно въ виду извѣстной ревности Владиміра и его сыновей въ распространеніи по всей Руси христіанства, съ каковою цѣлю Владиміръ и разослалъ своихъ сыновей господствовать въ разные важнѣйшіе города подвластной ему Руси, чтобы они своимъ примѣромъ, авторитетомъ и властію содѣйствовали исполненію воли отца ихъ. «Владимеръ, говорятъ лѣтописцы, раздѣлилъ Русскую землю на 12 княженій, сыномъ своимъ дванадесятимъ... въ Полоцку посади Изяслава... Посла же съ ними и священники, заповѣдая сыномъ своимъ, да каждо по всей области своей повелѣваетъ учить и крестить людей, и церкви ставити; еже и бысть» ¹⁵⁴). Митрополитъ Иларіонъ, почти современникъ Владиміра, говоритъ: «Онъ (Владиміръ) обратилъ отъ заблужденія идолопоклонства не одного человѣка, не десять городовъ, но всю область свою» ¹⁵⁵). Точно также и другой изъ ближайшихъ къ тому времени свидѣтель, мнихъ Яковъ, неоднократно повторяетъ, что св. князь «крестилъ всю землю Русскую отъ конца до конца... всю землю Русскую и всѣ грады украсилъ святыми церквами».. ¹⁵⁶). Лѣтописцы тоже говорятъ: «и начаша Владиміръ люди на крещеніе приводити и всѣмъ градомъ и селомъ». ¹⁵⁷). Кромѣ того, изъ лѣтописей же извѣстно, что Рав-

воапостольный князь не только повсюду посылалъ епископовъ и пресвитеровъ крестить народъ Русскій, но и самъ лично ѣздилъ съ епископами по нѣкоторымъ областямъ для евангельской проповѣди. Возможно-ли послѣ этого имѣть малѣйшее сомнѣніе, чтобы Полоцкъ, бывший тогда однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ, гдѣ княжилъ старшій сынъ Владиміра, Изяславъ, похваляемый лѣтописцами за благочестіе, не озарился свѣтомъ евангельскаго ученія въ самомъ началѣ общаго крещенія Руси. При Изяславѣ, безъ сомнѣнія, утвердилось въ Полоцкѣ христіанство и сдѣлалось господствующимъ; онъ былъ главнымъ дѣятелемъ въ семъ святомъ дѣлѣ и, конечно, имѣлъ при себѣ христіанскихъ пастырей; на мѣсто языческихъ капищъ онъ сооружалъ церкви, какъ въ Полоцкѣ, такъ и во всѣхъ мѣстахъ своего княжества. Къ этому-то времени слѣдуетъ отнести появленіе христіанства и въ Витебскѣ, находившемся всегда въ ближайшей связи съ Полоцкомъ.

По невѣрному современнымъ историческихъ свидѣтельствъ, трудно съ точностію опредѣлить время учрежденія Полоцкой епархіи. Въ лѣтописяхъ первымъ изъ Полоцкихъ епископовъ упоминается *Мина*, посвященный въ этотъ санъ въ 1105 году. (Вит. Стар. № 172). Но молчаніе лѣтописей о Полоцкихъ епископахъ, бывшихъ до Мины, не даетъ еще основанія отвергать ихъ существованіе. Татищевъ, а за нимъ и митр. Платонъ, ¹⁵⁸) утверждаетъ, что митрополитъ Никафоръ I, посвящавшій Мину Полоцкаго, самъ посвященъ былъ въ Кіевскаго митрополита изъ Полоцкихъ епископовъ. Польскій писатель Нѣсецкій, ¹⁵⁹) вѣроятно основываясь на какомъ-либо древнемъ документѣ, положительно говоритъ, что Полоцкая епископская кафедра съ церковью и дѣвичьимъ монастыремъ на Верхнемъ замкѣ основана около 1000 г. Тоже повторяетъ другой Польскій писатель, Стебельскій, ¹⁶⁰) прибавляя, что кафедра Полоцкихъ епископовъ и церковь на Верхнемъ замкѣ основаны или Владиміромъ св., или Изяславомъ. Наконецъ, авторъ Степенной книги, въ житіи преп. Евфросиніи, кн. Полоцкой, говоритъ, что во время Бориса, родного дяди Евфросиніи, который, какъ извѣстно, скончался въ 1128 г., Полоцкій епископъ Илія уступилъ ей для монастыря мѣстечко Сельце, принадлежавшее архіерейскому дому, и уступая сказалъ: «есть тамъ церковь всемілостиваго Спаса, идѣже братія наша лежатъ *преже насъ бывшіи епископи*». (Вит. Стар. № 170). Отсюда можно заключить, что у Илія былъ не одинъ только предшественникъ Мина, но было ихъ нѣсколько, не считая даже Никифора, погребеннаго въ Кіевѣ. И потому основаніе Полоцкой епархіи должно относить не къ началу XII в., но къ болѣе древнему времени.

Ученіе восточной церкви, мирно насажденное въ предѣлахъ нынѣшней Полоцкой епархіи, мирно-же продолжало существовать и укрѣпляться въ теченіе почти шести столѣтій.

Въ концѣ XII в. начинаются столкновения князей Полоцкихъ съ Литовцами, а въ началѣ XIII в. Литва является довольно уже могущественною державою. Приобрѣтеніе Русскихъ областей имѣло благотворное вліяніе на весь Литовскій народъ. «Кромѣ торговли, которая, говоритъ Ярошевичъ,¹⁶¹⁾ издавна сближая оба народа, познакомила Литовцевъ съ Русскимъ языкомъ; кромѣ *ремнии восточнаго исповѣданія*, которая подъ покровительствомъ княжескихъ женъ, по большей части Русскаго происхожденія, уже отъ начала XIII ст. дѣлая въ Литвѣ значительные успѣхи, посредствомъ духовныхъ лицъ и Славянской литургіи, освоила Литовцевъ со всѣмъ Русскимъ; еще болѣе содѣйствовали къ тому политическія сношенія Литвы съ болѣе населенной и гораздо образованнѣйшей христіанскою Русью. Еще прежде завоеваній Гедимина и Ольгерда, начали Литовцы вмѣшиваться въ дѣла Русскихъ князей и городовъ; завоеванія же эти еще болѣе сроднили ихъ съ Русскимъ народомъ. Вслѣдствіе этого многіе изъ нихъ, проживая долго между Русскими, наблюдали ихъ нравы и обычаи, старались приравливаться къ ихъ образу жизни, учились ихъ языку, *принимали крещеніе и православное исповѣданіе*» . . .

Православіе является въ Литвѣ прежде всего въ княжескихъ семействахъ.

По прекращеніи династіи Полоцкихъ князей Владимірова дома, Полоцкомъ, какъ уже было упомянуто, завладѣла Литва. Княжившіе въ Полоцкѣ князья Литовскіе женились на Русскихъ княжнахъ и принимали ихъ православную вѣру; а чтобы еще лучше привязать къ себѣ Русскій народъ, они принимали имена Славянскія, не оставляя, впрочемъ, и именъ Литовскихъ.

Тоже было и въ Витебскѣ.

«Коли князь Ольгердъ, говоритъ Литовскій лѣтописецъ, понялъ за себя жону князю Уляну Витебскую, для котореюжъ князь Ольгердъ охристілся въ Рускую вѣру, а панове Литовскіе вси были у своихъ вѣрахъ поганьскихъ, и кн. в. Ольгердъ не чинилъ имъ силы и въ вѣру свою не вернулъ; а *Римское вѣры въ Литвѣ паки уже не было, только Руская змѣшалася*». (Вит. Стар. № 2).

«Ольгердъ, по словамъ Стрыйковскаго,¹⁶²⁾ не жалѣя издержекъ, построилъ въ Витебскѣ двѣ каменные церкви въ Греческомъ стилѣ; одна изъ этихъ церквей находится въ Нижнемъ замкѣ (Благовѣщенская), а другая въ полѣ, за ручьемъ, или замковымъ ровомъ».

Передъ смертью, какъ было уже упомянуто, Ольгердъ облекся въ схиму подъ именемъ Алексѣя. Всѣ сыновья его исповѣдывали православную вѣру, а нѣкоторые изъ нихъ доказали на дѣлѣ усердіе и благодарность Руса, отъ которой приняли лучи божественнаго просвѣщенія: Андрей и Дмитрій Ольгердовичи привели свои дружины на Куликово поле въ помощь в. кн. Дмитрію.

Но особенное предпочтеніе православію оказывалъ Свидригайло—Левъ, на что и былъ любимъ жителями Витебска и Полоцка, которые не разъ помогали ему въ теченіе его бурной, полной превратностей жизни. Женатъ онъ былъ на Софіи Борисовнѣ, княжнѣ Тверской, извѣстной своею преданностію православію. ¹⁶⁴) Самъ Свидригайло обращалъ серьезное вниманіе на дѣла религіозныя.

Въ началѣ XV въ Литву начинаетъ проникать ученіе Гуса. Въ 1413 году, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, любимый ученикъ его и неизмѣнный товарищъ, Иеронимъ Пражскій, былъ, между прочимъ, и въ Витебскѣ. Иеронимъ явно и публично заявлялъ, «что вѣра православная будетъ и есть совершенная, и что Русскіе суть хорошіе христіане». (Вит. Стар. № 10). Свидригайло, надо думать, былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Гуситами. Условное Гуситское исповѣданіе было признано и освящено соборомъ Римской церкви, въ такъ называемыхъ Базельскихъ компактахъ. (Папа, впрочемъ, не утвердилъ ихъ) ¹⁶⁵). На соборѣ Базельскомъ былъ и уполномоченный Свидригайлы, Пфаффендорфъ, котораго онъ отправилъ туда изъ Витебска. ¹⁶⁶).

Этотъ князь помышлялъ также и о соединеніи Греческой церкви съ Римскою. Довозательствомъ этому служатъ три буллы папы Евгенія IV, отъ 1434 года. ¹⁶⁷). Первая булла писана къ Свидригайлѣ о томъ, что до Евгенія дошелъ слухъ, что Свидригайло учинилъ съ митрополитомъ Герасимомъ соглашеніе о соединеніи церковей Греческой и Римской, и что Герасимъ, по этому случаю, намѣренъ предпринять путь къ папскому престолу. Вторая булла писана къ самому Герасиму; въ этой буллѣ папа поощрялъ Герасима къ соединенію съ Римскою церковью. Этотъ Герасимъ былъ сначала Смоленскимъ епископомъ, а потомъ, съ 1433 года, митрополитомъ Кіевскимъ. Въ 1435 году, Іюля 26, онъ, подозрѣваемый въ сношеніяхъ съ Сигизмундомъ, противникомъ Свидригайлы, былъ сожженъ этимъ послѣднимъ въ Витебскѣ. ¹⁶⁸). Всѣ планы о соединеніи церковей рушились, какъ рушились и всѣ политическія замыслы Свидригайлы, вслѣдствіе крайней подозрительности и нерасположенности къ нему брата его, короля Польскаго Ягайлы—Якова.

Великіе князья Литовскіе не разъ подтверждали свободу православнаго исповѣданія. Въ подтвердительной грамотѣ Александра Казиміровича, 1503 года, по этому поводу сказано: «которые будутъ Литвинъ або Ляхъ крещены были въ Витебску въ Русскую вѣру, а хто изъ того роду и тепере живеть, того намъ не рушити, права ихъ христіанскаго ни въ чемъ не ломити» (Вит. Стр. № 16). Вскорѣ, однако, дѣла приняли совершенно другой оборотъ: православію въ Витебскѣ и Полоцкѣ былъ нанесенъ жестокой ударъ, благодаря, главнымъ образомъ, дѣятельности іезуитовъ и ихъ порожденію—уніи.

Прежде чѣмъ перейти въ описанію борьбы православія съ католицизмомъ,

я, хотя вскользь, скажу о судьбѣ Кальвинизма въ Бѣлоруссіи.

Гуситизмъ, занесенный въ Литву и Бѣлоруссію при королѣ Ягайлѣ, хотя и подъ пепломъ, но скрывался еще по разнымъ мѣстамъ. Въ началѣ XVI в. брошена новая искра—появилась реформація.

Постоянныя торговыя сношенія Витебска и Полоцка съ Ригой, Кенигсбергомъ и другими городами представляли множество случаевъ къ сближенію Витеблянъ и Полочанъ съ послѣдователями реформаціи, а потому очень естественно, что это вѣроученіе проникло къ Витебскъ и Полоцкъ въ первые же годы по распространеніи его въ восточной Пруссіи и Ливоніи, что послѣдовало между 1525 и 1539 годами. ¹⁶⁹).

Но не однимъ этимъ путемъ проникала въ Бѣлоруссію реформація: она заходила сюда даже чрезъ Москву. Андрей Венгерскій, ¹⁷⁰) въ своей «Исторіи Славянской Церкви», говоритъ: «Около 1552 года пришли изъ Россіи въ Бѣлоруссію три Греко-Россійскіе монаха: Θεодосій, Артемій и Θома, не знавшіе никакихъ языковъ, кромѣ природнаго своего, и никакихъ наукъ. Они остановились въ Витебскѣ, начали сперва изъ домовъ, а потомъ изъ церквей выкидывать иконы и учили поклоняться только одному Иисусу Христу; но возмутившійся народъ и православные священники выгнали ихъ изъ города. Они удалились въ глубину Литвы и тамъ продолжали проповѣдывать. Θεодосій, имѣя болѣе 80 лѣтъ, вскорѣ умеръ; Артемій присталъ къ Слудскому и Копысскому князю Георгію, а Θома, велерѣчивый и болѣе слѣдующій въ св. писаніи чѣмъ его товарищи, сдѣлался реформатскимъ пасторомъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ посланъ проповѣдникомъ въ Полоцкъ, гдѣ тогда распространялась реформація, и тамъ исполнялъ свою должность. Но въ Февралѣ 1563 года Московскій царь Иванъ Васильевичъ, взявши Полоцкъ, поймалъ этого пастора (бывшаго вѣкогда его подданнымъ), вывелъ на рѣку Двину и, поразивъ его палкою въ голову, пустилъ въ прорубь подъ ледъ». Проповѣдь этихъ трехъ сектаторовъ не осталась, однако, безъ послѣдствій: ею соблазнились многіе изъ шляхты и мѣщанъ, которые, вызвавъ изъ Польши и Литвы Кальвинскихъ пасторовъ, построили въ Нижнемъ замкѣ деревянный зборъ (кирху), домъ для пастора (Вит. Стар. стр.367), училище и богадѣльню. На содержаніе всего этого пожертвованы разныя угодья и земли. Но всѣ эти зданія, во время войны Яна Казимира съ Москвою, были разобраны и употреблены на укрѣпленія Верхняго замка; плацы, принадлежавшіе збору, послѣ оставленія Витебска Русскими, присвоили себѣ Витебскіе мѣщане. Въ 1667 г. былъ присланъ въ Витебскъ Кальвинскій консеніоръ Бѣлорусской дистрикціи Христофоръ Жарновить, для отысканія и принятія имѣній и угодій, принадлежавшихъ збору. Онъ нашелъ въ этомъ много затрудненій, потому что мѣщане утверждали, что будто-бы эти плацы король Янъ Казиміръ подарилъ

вмъ подѣ уніатскую церковь. Рѣшеніе этого дѣла предоставлено было королевскому комиссару, князю Льву Богдановичу Огинскому, ¹⁷¹⁾ назначенному для принятія Витебска отъ Русскихъ. Огинскій, будучи православнымъ, терпѣть не могъ уніатовъ; поэтому и угодья эти присудилъ въ пользу Кальвинскаго сбора. Онѣ состояли изъ нѣсколькихъ плацовъ въ Нижнемъ замкѣ, одного плаца на рынкѣ, изъ земель, находившихся подѣ самымъ городомъ, и изъ фольварка въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. Кромѣ того, Витебскій сборъ имѣлъ разные капиталы. Послѣднимъ министромъ, т. е. пасторомъ, былъ Равнзевскій, уведенный съ семействомъ въ плѣнъ въ Москву. Жарновать, сыскавъ такимъ образомъ принадлежавшія збору угодья, передалъ ихъ въ вѣдѣніе мѣщанина Рывды (Ryndze), исповѣдывавшаго Кальвинизмъ. Впослѣдствіи держалъ на арендѣ эти угодья Іосифъ Храповицкій, хорувжій и подвоевода Витебскій, съ 1671 г. по 1684 г., и платилъ за то около 100 злотыхъ Копысскому проповѣднику. Кажется, что Кальвинскій сборъ въ Витебскѣ послѣ времени Яна Казимира уже не былъ возстановляемъ ¹⁷²⁾.

Полоцкій Кальвинскій сборъ принадлежалъ къ числу древнѣйшихъ въ Литвѣ. Онъ былъ построенъ въ первой половинѣ XVI в., но кѣмъ и въ которомъ году—неизвѣстно; быть можетъ, Николаемъ Дорогостайскимъ, Полоцкимъ воеводою, ревностнымъ Кальвинистомъ. Сборъ этотъ, равно какъ и все принадлежавшія ему строенія, были деревянные; почему, во время войны Яна Казимира съ Россіею были сожжены до основанія. Полоцкій сборъ существовалъ до 1660 года. Плацами и прочимъ имуществомъ, принадлежавшимъ Кальвинистамъ, завладѣли іезуиты. ¹⁷³⁾

Успѣхи протестантизма въ Бѣлоруссіи остановили іезуиты; они же нанесли тяжелый ударъ и православію.

Опредѣлить съ точностію время появленія въ нашемъ краѣ католицизма—весьма трудно.

Первая попытка къ водворенію католицизма въ Бѣлоруссіи была сдѣлана Польскимъ королемъ Ягайлою, который, какъ извѣстно, взявъ по чисто политическимъ разсчетамъ православію, принялъ въ Краковѣ, вмѣстѣ съ Польскою короною, латинство и далъ клятву ввести его не только въ Литвѣ, но и во всей подвластной ему Руси. ¹⁷⁴⁾ Ко времени его царствованія надо отнести появленіе католицизма и въ Витебскѣ. Достоверно извѣстно, что въ началѣ XV в. въ Витебскѣ существовалъ уже монастырь францисканцевъ. (Вит. Стар. № 10).

Впрочемъ, католицизмъ не пустылъ въ нашемъ городѣ глубокихъ корней, и даже во второй половинѣ XVI в. едва влачилъ свое существованіе. По словамъ іезуита Ростовскаго, ¹⁷⁵⁾ панскій легатъ Антовій Поссевиень, во время своего поѣзда изъ Москвы въ Ригу, чрезъ Витебскъ, нашелъ въ

имъ подѣ уніатскую церковь. Рѣшеніе этого дѣла предоставлено было королевскому комиссару, князю Льву Богдановичу Огинскому, ¹⁷¹⁾ назначенному для принятія Витебска отъ Русскихъ. Огинскій, будучи православнымъ, терпѣть не могъ уніатовъ; поэтому и угодья эти присудилъ въ пользу Кальвинскаго сбора. Онѣ состояли изъ нѣсколькихъ плацовъ въ Нижнемъ замкѣ, одного плаца на рынкѣ, изъ земель, находившихся подѣ самымъ городомъ, и изъ фольварка въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. Кромѣ того, Витебскій сборъ имѣлъ разные капиталы. Послѣднимъ министромъ, т. е. пасторомъ, былъ Равазевскій, уведенный съ семействомъ въ плѣнъ въ Москву. Жарновать, сыскавъ такимъ образомъ принадлежавшія збору угодья, передалъ ихъ въ вѣдѣніе мѣщанина Рывды (Ryndze), исповѣдывавшаго Кальвинизмъ. Впослѣдствіи держалъ на арендѣ эти угодья Іосифъ Храповицкій, хорувжій и подвоевода Витебскій, съ 1671 г. по 1684 г., и платилъ за то около 100 злотыхъ Коныскому проповѣднику. Кажется, что Кальвинскій сборъ въ Витебскѣ послѣ времени Яна Казимира уже не былъ возстановляемъ ¹⁷²⁾.

Полоцкій Кальвинскій сборъ принадлежалъ къ числу древнѣйшихъ въ Литвѣ. Онъ былъ построенъ въ первой половинѣ XVI в., но кѣмъ и въ которомъ году—неизвѣстно; быть можетъ, Николаемъ Дорогостайскимъ, Полоцкимъ воеводою, ревностнымъ Кальвинистомъ. Сборъ этотъ, равно какъ и всѣ принадлежавшія ему строенія, были деревянные; почему, во время войны Яна Казимира съ Россією были сожжены до основанія. Полоцкій сборъ существовалъ до 1660 года. Плацами и прочимъ имуществомъ, принадлежавшимъ Кальвинистамъ, завладѣли іезуиты. ¹⁷³⁾.

Успѣхи протестантизма въ Бѣлоруссіи остановили іезуиты; они же нанесли тяжелый ударъ и православію.

Опредѣлить съ точностію время появленія въ нашемъ краѣ католицизма—весьма трудно.

Первая попытка къ водворенію католицизма въ Бѣлоруссіи была сдѣлана Польскимъ королемъ Ягайлою, который, какъ извѣстно, измѣнивъ по чисто политическимъ разсчетамъ православію, принялъ въ Краковѣ, вмѣстѣ съ Польскою короною, латинство и далъ клятву ввести его не только въ Литвѣ, но и во всей подвластной ему Русіи. ¹⁷⁴⁾. Ко времени его царствованія надо отнести появленіе католицизма и въ Витебскѣ. Достоверно извѣстно, что въ началѣ XV в. въ Витебскѣ существовалъ уже монастырь францисканцевъ. (Вит. Стар. № 10).

Впрочемъ, католицизмъ не пустилъ въ нашемъ городѣ глубокихъ корней, и даже во второй половинѣ XVI в. едва влачилъ свое существованіе. По словамъ іезуита Ростовскаго, ¹⁷⁵⁾ папскій легатъ Антоній Поссевинъ, во время своего проѣзда изъ Москвы въ Ригу, чрезъ Витебскъ, нашелъ въ

этомъ городѣ только одного католическаго ксендза, дряхлаго лѣтами и при смерти больваго. Ксендзъ этотъ умеръ во время пребыванія Поссевины въ Витебскѣ; другого ксендза ни въ Витебскѣ, ни въ его окрестностяхъ не было; поэтому, по просьбѣ Витебскаго воеводы Станислава Паца, Поссевина оставилъ въ Витебскѣ двухъ своихъ спутниковъ, іезуитовъ Михаила и Дренюкція. Небольшое число Витебскихъ католиковъ состояло изъ Польскихъ выходцевъ, жившихъ здѣсь по дѣламъ службы или торговли; но изъ коренныхъ жителей Витебска тогда еще не было ни одного католика. Какіе были успѣхи двухъ іезуитовъ, оставленныхъ Поссевиномъ, и имѣли-ли они послѣ себя преемниковъ—неизвѣстно. ¹⁷⁶).

Католицизмъ сталъ успѣшно водворяться въ Витебскѣ собственно только съ учрежденіемъ въ немъ іезуитскаго коллегіума, въ 1640 году. Первоначально іезуиты, прибывшіе сюда изъ Полоцка, захватили въ свои руки православный монастырь, со всѣми принадлежавшими ему угодьями, и церковь во имя св. Алексія, человека Божія. Въ церкви этой, освященной по латинскому обряду, они довольно долго совершали свое богослуженіе. ¹⁷⁷) Впослѣдствіи Смоленскій воевода Корвня-Госѣвскій, ревностный католикъ, вадѣлилъ іезуитовъ многими землями, населенными имѣніями и угодьями, съ тѣмъ, чтобы іезуиты завели училище; кромѣ того, онъ своимъ иждавеніемъ не только воздвигъ каменные здавія для ихъ коллегіума, но и построилъ великолѣпный костель. ¹⁷⁸).

Появленіе католицизма въ Полоцкѣ также надо отнести въ началу XV в. Въ 1409 г. Витовтъ уступилъ Нѣмецкимъ купцамъ въ Полоцкѣ плацъ для построенія костела. ¹⁷⁹). Но и здѣсь, какъ и въ Витебскѣ, католицизмъ не находилъ себѣ послѣдователей изъ мѣстныхъ жителей. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что послѣ отнятія Полоцка Баторіемъ изъ рукъ Грознаго, король ни въ Полоцкѣ, ни во всемъ Полоцкомъ воеводствѣ не нашелъ ни одного латинскаго костела. Въ жалованной грамотѣ на учрежденіе въ Полоцкѣ іезуитскаго коллегіума сказано: «такъ какъ, съ удивленію своему, онъ (король) не нашелъ ни одного латинскаго костела ни въ Полоцкѣ, ни въ Полоцкомъ воеводствѣ, то для распространенія св. Римской вѣры въ семь краѣ учреждаетъ коллегіумъ іезуитовъ». ¹⁸⁰) Коллегіумъ этотъ былъ учрежденъ въ 1579—82 году. На содержаніе его король Баторій отдалъ іезуитамъ всѣ Полоцкіе православные монастыри и церкви, со всѣми принадлежащими имъ имѣніями, угодьями и имуществомъ, кромѣ одного только кафедральнаго собора и кромѣ архіерейскихъ имѣній. Православныхъ монастырей, доставшихся такимъ образомъ іезуитамъ, въ то время было въ Полоцкѣ до тринадцати, въ томъ числѣ и монастырь Спасо-Евфросиньевскій.

Царствованіе Сигизмунда III, воспитанника іезуитовъ, составляетъ блистательную эпоху водворенія и распространенія католицизма въ Бѣлоруссіи и во всемъ Литовско-Русскомъ краѣ.

Но успѣхи католицизма въ нашемъ краѣ обязаны не столько мирной проповѣди іезуитовъ, сколько гоненіямъ, воздвигнутымъ на православныхъ, съ цѣлію склонять ихъ къ принятію уніи.

Унія возникла въ самомъ концѣ XVI вѣка: въ 1596 году, на соборѣ въ Брестѣ, Кіевскій митрополитъ Михаилъ Рогоза и пять епископовъ, въ томъ числѣ и архіеп. Полоцкій Германъ, торжественно признали гланенство папы. (Вит. Стар. стр. 527). Съ этого времени началось преслѣдованіе православныхъ не столько католиками, сколько духовными-уніатами. Но никогда гоненія на православныхъ не были такъ настойчивы и суровы, какъ при архіеп. Іосафатѣ Кунцевичѣ; гоненія эти вызвали со стороны несчастныхъ жителей Витебска кровавое мщеніе, имѣвшее, однакожь, еще болѣе тяжкія для нихъ послѣдствія.

Эта страница исторіи Витебска такъ важна и такъ тѣсно связана съ послѣдующими событіями, что на ней слѣдуетъ остановиться нѣсколько долѣе.

Іосафатъ Кунцевичъ ¹⁸¹⁾ родился въ 1580 г., во Владимірѣ-Волинскомъ, отъ православныхъ родителей; при крещеніи названъ Иваномъ. Отецъ его, по ремеслу сапожникъ, обучивъ сына Польской и Русской грамотѣ, опредѣлялъ прикащикомъ къ одному Виленскому купцу. Въ это время въ Вильнѣ происходили большія смуты, вслѣдствіе борьбы православныхъ съ уніатами. Кунцевичъ, неизвѣстно по какимъ побужденіямъ, перешелъ въ уніатство, оставилъ купца и сдѣлался послушникомъ въ Виленскомъ Св.-Троицкомъ монастырѣ, который въ то время былъ силою отнятъ у православныхъ и отданъ уніатамъ. Живя въ монастырѣ, Кунцевичъ постоянно посѣщалъ іезуитскій коллегіумъ. Здѣсь-то и была внушена ему непримиримая ненависть къ вѣрѣ его предковъ. Въ 1604 году, Кунцевичъ принял монашество и названъ Іосафатомъ; спустя пять лѣтъ посвященъ въ іеромонахи и сталъ ревностнымъ, до фанатизма, поборникомъ и проповѣдникомъ своего исповѣданія; въ короткое время онъ многихъ успѣлъ совратить въ унію, за что получилъ отъ православныхъ названіе «душехвата»:

Архіепископомъ Полоцкимъ въ это время былъ дряхлый лѣтами и слабый характеромъ Гедеонъ Брольницкій, хотя и принявшій унію, но не оказывавшій усердія къ распространенію ея въ своей епархіи; поэтому, по ходатайству митрополита Кіевского Іосифа Рутскаго, король Сигизмундъ III, въ 1617 г., назначилъ Іосафата епископомъ—коадьюторомъ Полоцкой епархіи. (Вит. Стар. № 114). 9-го Января 1618 года Іосафатъ прибылъ въ Полоцкъ. Въ томъ-же году умеръ архіеп. Брольницкій, и Іосафатъ возведенъ въ санъ архі-

епископа Полоцкаго, владыки Витебскаго и Мстиславскаго. Въ томъ-же году онъ выхлопоталъ у короля грамоту на подчиненіе своей власти всѣхъ православныхъ церквей и монастырей, находившихся въ предѣлахъ Полоцкой епархіи. Затѣмъ онъ разослалъ по своей епархіи циркуляры, возвѣщавшіе о соединеніи церквей, и требовалъ отъ священниковъ, чтобы они немедленно съ своими прихожанами изъявили согласіе на принятіе униі, угрожая, въ противномъ случаѣ, лишеніемъ непокорныхъ приходовъ и передачею ихъ, вмѣстѣ съ церквами, униатамъ. Съ тѣхъ поръ онъ стремился всѣми силами къ искорененію православія. За то, когда Кунцевичъ, въ 1619 году, отправился въ Могилевъ, то жители этого города заперли городскія ворота и навели на него крѣпостныя пушки. Тоже было сдѣлано и въ Оршѣ. Свѣтская власть усердно содѣйствовала Кунцевичу, и это еще болѣе увеличивало ненависть къ нему православныхъ. Между тѣмъ, въ 1620 г., патріархъ Іерусалимскій Теофилъ, по просьбѣ казацкаго атамана Сагайдачнаго, защитившаго православія, посвятилъ въ Кіевѣ, по уполномочію патріарха Константинопольскаго, но безъ дозволенія королевскаго, во всѣ епархіи, занятія униатами, православныхъ іерарховъ; на Полоцкую архіепископію былъ посвященъ Герасимовичъ, извѣстный подъ именемъ Мелетія Смотрицкаго, котораго тогда православные превозносили до небесъ. Его краснорѣчивыя посланія быстро расходились по Полоцкой епархіи и сильно волновали умы. Получали посланія Смотрицкаго и жители Витебска; они торжественно читали ихъ въ ратушѣ, и однажды, послѣ прочтенія одного изъ такихъ посланій, составили протестъ противъ Кунцевича. Въ этомъ протестѣ Витебляне заявляли, что они не хотятъ знать униатскаго епископа и будутъ признавать своимъ епископомъ Смотрицкаго. Рѣшеніе это было такъ единодушно, что въ Витебскѣ оставалось едва нѣсколько униатовъ. Кунцевичъ обращался къ властямъ, требуя подавленія непокорныхъ. Левъ Сапѣга, канцлеръ Литовскій, въ отвѣтъ на требованіе Кунцевича, написалъ весьма краснорѣчивое письмо: «Всевышній—пишетъ Сапѣга—зоветъ къ себѣ внятно: придьте ко мнѣ вси и пр., а не хочетъ и не приемиетъ рабовъ, влекомыхъ насильно... Вы, своимъ неосмотрительнымъ насиліемъ подстрекнули и, такъ сказать, принудили народъ Русскій къ сопротивленію... Обратимся къ дѣяніямъ вашего преосвященства.. Вы наполнили земскіе суды, магистраты, трибуналы, ратуши, епископскія канцеляріи позывали, тяжбами, доносами, чѣмъ во только нельзя распространить униі, но можно расторгнуть и послѣдній союзъ любви въ обществѣ и наполнять сеймы и управы разладомъ и ссорами... Апостолы никогда такъ не поступали: Вы говорите, *«что вамъ волюно топить униатовъ, рубить имъ головы»* и пр. Нѣтъ! не должно такъ поступать съ ними, потому что божественное евангеліе строго внушаетъ всѣмъ мстителемъ, въ томъ числѣ и вамъ: *мнѣ*

отмщеніе, азъ воздамъ»... (Витеб. Стар. № 117).

Письмо это, однако, не заставило Кунцевича переменить образа дѣйствій. Между тѣмъ, многочисленные списки письма Сапѣги ходили по рукамъ не только въ Витебскѣ, но даже за предѣлами архіепископіи Полоцкой, усиливая негодованіе къ Юсафату и подготавливая недовольныхъ къ мести.

Обстоятельство это не могло укрыться отъ Кунцевича. Въ письмѣ къ своему другу и покровителю, митроп. Юсифу Рутскому, Кунцевичъ, по этому предмету, выражается такъ: «Да его милость панъ канцлеръ ажъ теперъ... на листъ его милости, презъ бунтовщиковъ Полоцкихъ мнѣ отданный усраведли... же мя не слушне удали о грубиянство поповское, не зважаючи, же схизма грубиянство намножила, а не единость; еще и то недобре, же его милость листы мнѣ за ними даючи, копѣе тыхъ же листовъ сняли писари имъ зброднемъ дають, которые они по своихъ розсылають; часомъ тежъ сами снявъ, отпечатавши преписують, потомъ, притиснувши якокольвекъ печать, отдають»... (Вит. Стар. № 116).

Слова Сапѣги оказались пророческими: часъ мести, дѣйствительно, скоро насталь.

Въ 1622 году, Кунцевичъ отправился въ Витебскъ, чтобы утвердить тамъ унію во чтобы то ни стало. Не обращая никакого вниманія на раздраженіе народа, онъ рѣшился отслужить во всѣхъ Витебскихъ церквахъ: это должно было служить доказательствомъ, что унія вездѣ въ Витебскѣ существуетъ. Церкви очищались силою отъ непокорнаго духовенства и народа. Все было готово къ народному возстанію, но народъ еще терпѣлъ. Православные не считали себя въ правѣ силою отстаивать свои церкви; но нельзя было и оставаться безъ церквей, а потому православные построили себѣ на Заручевѣ и за Двиной, противъ Успенской церкви, шалаши, въ которыхъ и совершалось богослуженіе. Кунцевичъ не оставилъ ихъ въ покоѣ и здѣсь. Онъ подавалъ жалобы, что при этихъ новыхъ церквахъ составляются мятежныя сходки; самъ, между тѣмъ, еще съ большимъ рвеніемъ отнималъ у православныхъ церкви въ самомъ городѣ. Въ одну изъ такихъ церемоній народъ потерялъ терпѣніе и дошелъ до того, что сбросилъ въ одно мѣсто шапки: это было знакомъ конфедераціи и призыва къ насилію; Кунцевичъ едва спасся отъ народной ярости. Послѣ этого, православные, имѣя во главѣ членовъ городоваго магистрата и почти всѣхъ почетныхъ гражданъ, на тайномъ совѣщаніи въ ратушѣ, постановили непремѣнно избавиться отъ ненавистнаго имъ архіепископа. Ожидали только удобнаго случая къ осуществленію своего замысла; случай скоро представился.

12 Ноября 1623 г., въ воскресный день, въ то время, когда Юсафатъ въ Пречастенской (Успенской) церкви служилъ утреню, архидіавонъ его, Доро-

ею, подстергши православнаго священника, по имени Илію, тайно переправлявшагося чрезъ рѣку Двину для совершенія богослуженія въ новоустроенномъ шалашѣ, напалъ на него и, избивъ до полусмерти, связалъ и заперъ въ архіерейской кухнѣ. Вѣсть о такомъ поруганіи православнаго священника быстро распространилась по городу и привела жителей въ такую ярость, что, съ первымъ ударомъ ратушнаго колокола, всѣ до одного: взрослые, дѣти, жены и старцы, вооружившись чѣмъ попало, съ страшнымъ воплемъ, напали на архіерейскій домъ. Освободивъ сперва изъ заключенія священника, они бросались на архіерейскихъ слугъ и почти всѣхъ ихъ поранили ударами сабель, бердышей и другихъ оружій. Потомъ ворвались въ келью Кунцевича, только что возвратившагося отъ заутрени, и, бросившись на него съ крикомъ: «бей папешника, душехвата», разсѣкли бердышемъ ему голову, вытащили на дворъ и тутъ, замѣтивъ еще признаки жизни, добили выстрѣломъ изъ ружья. Мертваго Кунцевича били, таскали по улицамъ, вляли на него убитую его собаку и т. п.; затѣмъ поволкли на высокой берегъ Двины и бросали въ рѣку, а поджидавшіе рыбаки, привязавъ къ шеѣ и ногамъ камни, отвезли вверхъ по Двинѣ къ мѣсту, называемому Песковатикъ, и бросили его въ глубину рѣки. Только на третій день, когда народное волненіе нѣсколько утихло, тѣло Юсафата было вытащено, по приказанію каштеляна замка, и послѣ оффиціального освидѣтельствованія въ замкѣ, отослано на лодкѣ въ Полоцкъ, гдѣ и погребено въ Софійскомъ соборѣ.

Король Сигизмундъ III, узнавъ объ убійствѣ Кунцевича, нарядилъ комиссію для немедленнаго изслѣдованія дѣла на мѣстѣ и наказанія виновныхъ. Въ Январѣ 1624 года комиссія открыла свои дѣйствія подъ предсѣдательствомъ Льва Сапѣги. Слѣдствіе и судъ комиссары окончили съ необыкновенною торопливостію, а именно въ три дня: они опасались прибытія казаковъ, которыхъ устрашенные Витебляне, чрезъ нарочныхъ гонцовъ, звали на помощь. Декретъ подписанъ 22 Января 1624 г. Изъ него, между прочимъ, видно, что въ заговорѣ на жизнь Кунцевича принимали участіе не только всѣ почти жители Витебска, но и Орши, Полоцка, Могилева и даже Вильны. Душою заговора были: писарь Гурко и бургомистры: Наумъ Волкъ, Семенъ Нѣша и Гуслинцевъ. Комиссія осудила около ста человекъ на смертную казнь; но такъ какъ большее число ихъ успѣло скрыться, то обезглавлены на плахѣ, предъ ратушей, лишь двадцать. Имѣнія всѣхъ осужденныхъ конфискованы. Городъ лишенъ Магдебургскаго права и всѣхъ, прежде дорванныхъ ему, привилегій и подчиненъ управленію воеводы. «А такъ какъ, говорится въ декретѣ, возмущеніе началось по сигналу ратушнаго и нѣкоторыхъ церковныхъ колоколовъ, то приказываемъ воеводичу—Витебскому войту отнять всѣ эти колокола и отдать въ цейхгаузъ, изъ которыхъ потомъ, съ

вѣдома будущаго Полоцкаго архіепископа, выдѣть, въ память пропшества колоколь, съ надписью о семь злодѣяніи, и отдать соборной церкви Пречистенской, при которой былъ умерщвленъ покойный владыка. Съ того времени при всѣхъ пныхъ церквахъ, за исключеніемъ упомянутой соборной, колоколовъ не имѣть безъ позволенія и особеннаго разрѣшенія митрополита Кіевскаго. Ту-же соборную церковь Пречистенскую должны мѣщане вновь великолѣпно отстроить собственнымъ иждивеніемъ». (Вит. Стар. № 118).

Папа Урбанъ VIII, въ посланіи своемъ къ Сигизмунду III, отъ 10 Февраля 1624 г., убѣждалъ его строго наказать убійць Полоцкаго архіепископа . . . «Да будетъ проклятъ тотъ, пишетъ папа, кто удержитъ мечъ свой отъ крови . . . ты, державный король не долженъ удержаться отъ меча и огня. (Вит. Стар. № 119).

Получивъ, вслѣдъ затѣмъ, отъ короля увѣдомленіе о совершеніи казней и наказаніи всего народонаселенія г. Витебска, папа отвѣчалъ: « . . . Похвала вашему величеству, гнѣвъ котораго и правосудіе недавно испытали жестокіе убійцы Полоцкаго архіепископа. Ибо Витебскъ, который далъ примѣръ столь необычнаго преступленія, служить теперь доказательствомъ мщенія Божія и благочестія короля». (Вит. Стар. № 121).

Тотъ-же папа Урбанъ VIII, по ходатайству короля и униатскаго духовенства, причислилъ Юсафата къ лику блаженныхъ (*in numerum beatorum*) мучениковъ Римской церкви, повелѣвъ праздновать память его 16-го Сентября. Къ лику святыхъ (*in numerum sanctorum*) Юсафатъ причисленъ папою Піемъ IX.

Смерть архіеп. Юсафата не только не послужила къ облегченію участи православныхъ въ Бѣлоруссіи, но, напротивъ, вызвала еще болѣе суровыя мѣры къ искорененію православія.

Польское правительство, впрочемъ, вынуждаемое обстоятельствами, дѣлало, по временамъ, нѣкоторыя уступки православному населенію, хотя эти уступки никогда не шли дальше словъ и обѣщаній.

По смерти Сигизмунда III, въ 1632 году, Польское правительство, видя безпрестанныя набѣги казаковъ, явившихся единственными защитниками православія, принуждено было сдѣлать слѣдующія уступки: въ Полоцкой епархіи, къ коей принадлежалъ и Витебскъ, должны быть два архіерея: для униатовъ—архіепископъ Полоцкій, а для благочестивыхъ (такъ называли себя въ то время униаты)—епископъ Могилевскій; кромѣ того, предоставлялось всякому живущему въ епархіи униатскаго епископа и нежелающему принять униатство переселиться въ епископію православную и обратно. (Вит. Стар. стр. № 529).

Не смотря на это, Владиславъ IV, едва не ставшій царемъ Русскимъ, въ 1635 году, 14-го Марта, далъ униатскимъ епископамъ грамоту, въ которой

между прочимъ, сказано: «*Въ Витебскѣ, въ Полоцкѣ и Новогородкѣ неуніаты никогда не должны будутъ имѣть никакой церкви*». (Вит. Стар. № 48).

Тотъ-же Владиславъ IV, въ награду за услуги, оказанныя жителями Витебска во время войны съ Россією, а именно за побѣду подъ Кошевичами, возвратилъ имъ въ 1641 году всѣ права и привилегіи съ тѣмъ, однакожь, условіемъ, сказано въ грамотѣ, «чтобы всѣ лица, состоящія, въ Витебскомъ городскомъ магистратѣ, были не вной вѣры, какъ только истинной Римско-Католической или Греческо-Уніатской. Въ противномъ же случаѣ, еслибы они когда-либо отъ святой уніи или отъ послушанія преосвящ. своему владыкѣ Витебскому отпали, то этимъ самымъ они снова лишились бы и потеряли право Магдебургское . . . А дабы слава Божія безпрепятственно умножалась между обывателями г. Витебска, находящимися въ святой уніи, возлагаемъ на Витебскій городской магистратъ, на вѣчныя времена, дабы онъ строго наблюдалъ и, по мѣрѣ возможности, предупреждалъ, чтобы *нигдѣ въ г. Витебскѣ, ни подъ какимъ предлогомъ, дизуніатская церковь строима не была*» . . .

Въ 1635 году, послѣ неоднократнаго пораженія Польскихъ войскъ гетманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, король Янъ-Казиміръ, Зборовскимъ мврнымъ договоромъ, обязался *унію въ Польшѣ и во всемъ княжествѣ Литовскомъ искоренить*. Вслѣдъ затѣмъ было постановлено: *захваченную уніатами Витебскую епархію подчинить митрополиту Кіевскому и возвратитъ православному отобранную у нихъ церковь св. Благовѣщенія, въ Нижней крѣпости находившуюся и церковь за городомъ—св. Духа*. (Вит. Ст. стр. 530).

Но всѣ эти обѣщанія и уступки были сдѣланы только на словахъ, какъ это видно изъ жалобы царю Алексѣю Михайловичу Полоцкаго Воскресенскаго монастыря игумена Афиногена Крыжановскаго. Съ этого времени Русскіе государи начали обращать вниманіе на судьбу состоявшаго въ подданствѣ Польскаго короля народа Русскаго ¹⁸¹); но и справедливое вмѣшательство въхъ правнесло мало пользы. Такъ, въ 1660 году, царь Алексѣй Михайловичъ тщетно домогался отъ Польши уничтоженія уніи; ту-же участь имѣло и требованіе Петра Великаго, не взирая даже на оказанное имъ покровительство королю Августу II, при возведеніи его на престолъ, и на обращеніе государя этого къ содѣйствію папы. И только усилія Екаторины II заставили, въ 1768 году, уравниять права неуніатовъ и прекратить или, по крайней мѣрѣ, ослабить гоненіе ихъ.

Лишь только Бѣлоруссія возвратилась подъ скипетръ единовѣрной императрицы, 13-го Сентября 1772 года, какъ открылось повсемѣстное желаніе уніатовъ возвратиться въ лоно прародительской вѣры, и это желаніе было обнаружено даже высшимъ уніатскимъ духовенствомъ. Полоцкій уніатскій архіеп. Смогоржевскій высказывалъ прямо такую мысль знаменитому еп. Бѣлорусско-

му Георгію Конисскому. ¹⁸⁵) Уніаты, по мѣрѣ возвращенія Литовско-Русскихъ областей къ родной Россіи, стали смѣло приводить въ исполненіе свою завѣтную мысль. Еще при жизни императрицы Екатерины II, въ разныхъ провинціяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, присоединилось къ православію, безъ малѣйшаго со стороны правительства принужденія, болѣе милліона людей, въ томъ числѣ въ двухъ Бѣлорусскихъ губерніяхъ—Витебской и Могилевской—въ промежутокъ времени между 1794 и 1796 гг., 114.719 душъ ¹⁸⁶). Витебскъ, однако, все еще оставался въ уніи, и положеніе горсти жившихъ въ немъ православныхъ было самое безотрадное. Вотъ что писалъ, между прочимъ, первый ревнитель о созданіи въ Витебскѣ православнаго собора, священникъ Іоаннъ Сырохновъ, въ письмѣ къ православному Бѣлорусскому еп. Вольховскому, 5 Іюля 1797 года: «Когда достояніе Россіи обращено въ пѣдро ея, тогда обстоятельства и нужда позволили многимъ разнаго званія благочестивымъ христіанамъ имѣть свое неисходное пребываніе въ Витебскѣ, въ коемъ довольное время съ прискорбіемъ живя, претерпѣвали отъ жителей укоризны будучи лишены надежнѣйшаго приставища, *не имѣя въ городѣ молитвеннаго храма* . . . Витебскій комендантъ графъ Минихъ, таковую ощутительную крайность видя, своимъ стараніемъ, въ 1779 году, соорудилъ деревянный храмъ чудотворца Николая . . . Я, продолжаетъ Сырохновъ, при той церкви находясь священнослужителемъ, исправляю всѣ нужды надъ небольшимъ числомъ бывшихъ до селѣ здѣсь жителей Греко-Россійскаго закона». (Вит. Стар. № 109).

Со времени Екатерины II, уніатская церковь, вслѣдствіе возвращенія въ православіе большаго количества уніатовъ, стала входить въ весьма тѣсныя предѣлы, и подъ конецъ царствованія Екатерины не имѣла даже своего митрополита, а была управляема однимъ Луцкимъ епископомъ; ибо въ 1795 г. Полоцкая и Минская уніатскія епархіи, а также Виленская митрополія, были закрыты; число базилианскихъ монастырей уменьшено, а уніатское духовенство подчинено вѣдомству Римской коллегіи. Впрочемъ, въ 1798 году, въ царствованіе имп. Павла I, ¹⁸⁷) опять была восстановлена Полоцкая архіепископія для уніатовъ Бѣлорусскихъ, Брестская—для Литовскихъ губерній, а Луцкій епископъ оставленъ для уніатовъ Волынскихъ. Въ 1805 году въ Римско-католической коллегіи отдѣленъ былъ особый департаментъ для уніатскихъ дѣлъ; президентомъ этого департамента назначенъ былъ Полоцкій архіепископъ Ираклій Лисовскій. Въ 1809 году восстановлена уніатская митрополія, и въ санъ митрополита посвященъ Лисовскій ¹⁸⁸). Этотъ незабвенный архіепастырь, оказывая велицемѣрное расположеніе къ православію, явно обнаруживалъ стремленіе къ воссоединенію съ онымъ всѣхъ уніатскихъ въ Россіи церквей и, одушевляясь этою мыслию, энергически дѣйствовалъ къ приго-

товленію уніатовъ къ этому событію, посредствомъ: во 1-хъ, возстановленія въ своей епархіи обрядовъ православной церкви, такъ какъ уніатское духовенство послѣднихъ временъ ввело много латынскихъ обрядовъ; во 2-хъ, ослабленіемъ сильнаго вліянія на дѣла вѣры ордева Базиліановъ, подчинивъ ихъ епископской власти; въ 3-хъ, возстановленіемъ духовныхъ училищъ для бѣлаго духовенства; въ 4-хъ, отдѣленіемъ уніатскаго въ Россіи духовенства отъ юрисдикціи папъ, исходатайствовавъ у Русскаго правительства учрежденіе особаго въ Римской коллегіи департамента для уніатскихъ дѣлъ, который впоследствии переименовалъ въ самостоятельную коллегію.

Совершенно по слѣдамъ Лисовскаго шествовалъ Полоцкій архіеп. Іоаннъ Красовскій, ¹⁸⁹) такъ же, какъ и его предшественникъ, энергически приготовляя уніатовъ къ воссоединенію съ православною церковію.

Наконецъ радостный для нашего края часъ насталъ. Въ 1831 году Русское правительство признало необходимымъ рѣшительно праступить къ возвращенію въ нѣдра православной церкви отторженныхъ отъ нея насиліемъ чадъ. Для совершенія этого святаго дѣла, оно избрало орудіемъ своимъ самихъ епископовъ уніатской церкви. Семь лѣтъ приготовляли они паствы свои, въ девяти губерніяхъ имперіи, къ духовному ихъ пресбразованію и соединенію съ прав. церковію; потомъ, съ высшимъ своимъ духовенствомъ, собранные въ г. Полоцкѣ въ Софійскомъ храмѣ, въ недѣлю православія, составили и подписали достопамятный актъ воссоединенія. (Вит. Стар. № 112).

Императоръ Николай, получивъ докладъ св. Синода и прошенія Греко-уніатскихъ епископовъ:—Іосифа Литовскаго, Василя Оршанскаго и Автоія Брестскаго, съ соборнымъ актомъ о присоединеніи ихъ съ паствами къ православію, на докладѣ написалъ: «Благодарю Бога и принимаю». А 10-го Мая 1839 года совершилось въ Витебскѣ и самое торжество этого воссоединенія. Вотъ какъ описалъ его одинъ изъ очевидцевъ:

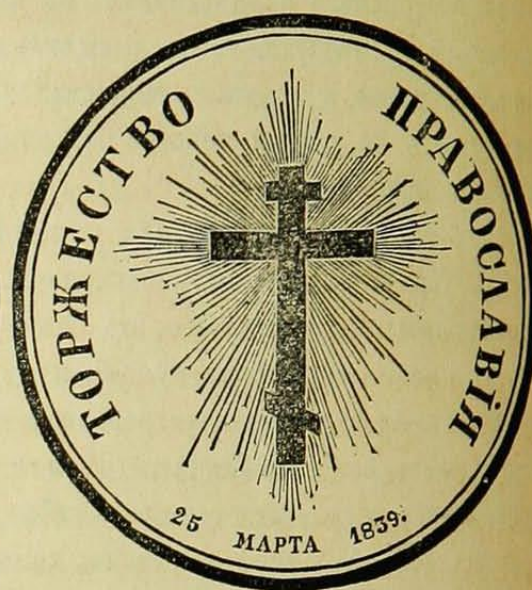
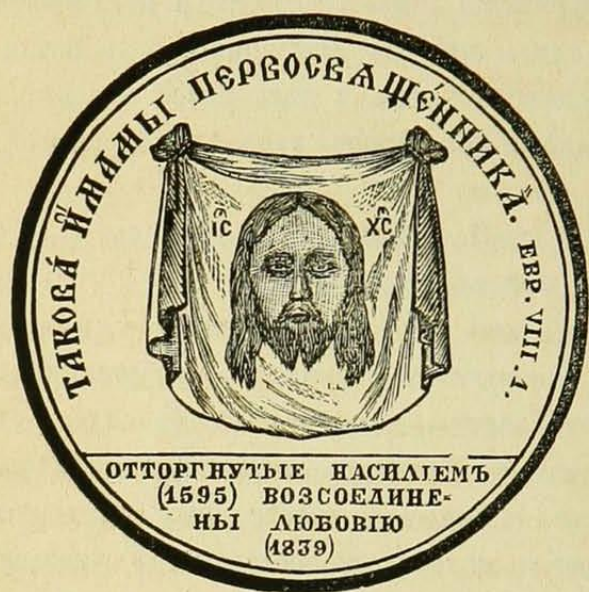
«10-го Мая сего года, въ 10 часовъ утра, митрополитъ (Филаретъ Кіевскій) прибылъ изъ Маркова монастыря въ сопровожденіи многочисленнаго народа, при колокольномъ звонѣ, въ православный Витебскій соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ духовенствомъ обѣихъ епархій (Могилевской и Полоцкой), генералъ-губернаторомъ и всѣми военными и гражданскими чинами, въ парадныхъ мундирахъ. При богослуженіи, въ коемъ участвовали оба епископа: Исидоръ Полоцкій (нынѣ митрополитъ С.-Петербуржскій) и Василій Оршанскій, и по четыре священника изъ каждой епархій; во храмѣ было до 1.500 человекъ разнаго сословія людей. Во время большаго входа диаконъ принималъ митрополитъ, а потиръ епископъ Оршанскій. По окончаніи литургіи, соборный протоіерей прочиталъ съ амвона указъ Святѣйшаго Синода, котораго чтеніе заключено было собственными словами Государя Императора: «Благо-

дарю Бога и принимаю!»! Послѣ сего провозглашено многолѣтіе Государю и Августѣйшей Фамиліи, Святѣйшему Синоду вмѣстѣ съ патріархами, чтобы доказать общеніе наше съ первенствующею восточною церковію и опровергнуть тѣмъ жетолкованія Римскаго духовенства, будто бы Россійская церковь отдѣлилась отъ патріарховъ и составила расколъ, и проч. Успѣхъ сего служенія и польза, которую оно принесло, превзошло всякое ожиданіе. Народъ показалъ такое усердіе, что митрополитъ еще долго оставался въ соборѣ для благословеній. Потомъ онъ изволилъ проѣхать, по предварительному приглашенію губернскаго предводителя, въ дворянскій домъ, а за нимъ и все бывшее въ городѣ духовенство. Тутъ представлялся ему всѣ чиновники, безъ различія исповѣданій, а градское общество поднесло хлѣбъ и соль, проси покорнѣйше служить на другой день въ Петропавловской церкви, какъ въ обширнѣйшей изъ приходскихъ.

«15-го числа митрополитъ прибылъ въ Петропавловскую церковь, въ 10 часовъ. Храмъ Божій былъ совершенно полонъ, и вокругъ него до 3.000 человекъ, частію пришедшихъ, по слухамъ, изъ деревень. Генераль-губернаторъ и чиновники, всѣ въ мундирахъ, прибыли въ церковь по собственному произволу. Едва вышелъ митрополитъ изъ кареты, какъ народъ бросился за благословеніемъ. У крыльца встрѣтили его, по какому-то старинному обычаю, почетные граждане съ горящими свѣчами, а потомъ духовенство. Литургія совершалась тѣмъ же порядкомъ; только къ молебну облачились всѣ священники, какъ городскіе, такъ и нѣкоторые прибывшіе, по собственной волѣ, изъ деревень Вѣлорусской епархіи. По окончаніи молебнаго пѣнія, градской голова просилъ митрополита и всѣхъ посѣтить домъ его; но стеченіе народа было такъ велико, и усердіе столь искренне, что владыка не могъ сѣсть въ карету и принужденъ былъ до самаго дома головы идти пѣшкомъ, благословляя народъ, — и это продолжалось болѣе получаса и было въ высшей степени торжественно и радостно. Вошедши въ домъ, митрополитъ благословилъ градское общество образомъ Спасителя, что было принято съ такимъ чувствомъ, что многихъ видѣли даже въ слезахъ. Послѣ того, какъ духовенство и всѣ высшія гражданскія лица разъѣхались, граждане, оставшіеся одни, позвали пѣвчихъ и, вмѣстѣ съ ними, пѣли разныя молитвы, многолѣтіе Государю, *Боже, Царя храни* и проч., а потомъ возникъ у нихъ жаркій споръ, кто долженъ владѣть иконою и кто имѣеть право украсить ее окладомъ. Кажется, рѣшились поставить ее въ градской думѣ, съ приличною надписью и украшеніемъ. Послѣ обѣда, и римское духовенство, увлеченное общимъ стремленіемъ, явилось къ митрополиту за благословеніемъ, даже маріавитки; а по случаю маленькой ярмарки около монастыря (Марковъ, близь Витебска), народъ весь вечеръ ликовалъ тамъ съ сельскими жителями.

«Такъ прошли эти достопамятные два дня, осуществившіе, смѣю сказать, на самомъ дѣлѣ великую мысль Царя и Св. Синода». ¹⁹⁰).

Въ память этого знаменитаго событія, по волѣ Императора Николая I, выбита большая медаль, съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ образа Спаса Нерукотвореннаго; вверху и по сторонамъ надпись: *Такова има-
мы первосященника. Евр. VIII, I, а внизу: отторгнутые насиліемъ (1695),
возсоединены любовію (1839)*. На оборотной сторонѣ представленъ крестъ въ
сіяніи, а по сторонамъ его надпись: *торжество православія 25 Марта 1839*.

ГЛАВА III.

Городъ и Замокъ.

Sila Rzeczypospolitey na zamku Witepskim nalezy.

(Сила Рѣчи Посполитой опирается на Витебскомъ замкѣ).

Volum. Legum IV, 218.

Городъ Витебскъ, конечно, первоначально былъ просто селеніемъ, которое было огорожено деревянною стѣною. Вокругъ этого укрѣпленія (кремля, такъ сказать) выростали посадки, гдѣ жили промышленники и ремесленники.

Хотя до присоединенія Витебска къ Литвѣ не имѣется почти никакихъ свѣдѣній о городѣ (miasto) собственно, тѣмъ не менѣе, все-таки можно, разумѣется приблизительно, прослѣдить порядокъ постепеннаго заселенія разныхъ мѣстностей, входящихъ въ черту нынѣшняго Витебска.

Самая древняя часть города заключается между р.р. Витьбой, Двиной и Ручьемъ, т. е. та самая мѣстность, гдѣ впоследствии явились два замка: Верхній и Нижній.

Затѣмъ, городъ прежде всего распространился по правой сторонѣ рѣки Витьбы, именно: на взгорьѣ, въ углу, при впаденіи этой рѣчки въ Двину. Уже въ самомъ началѣ XV в. здѣсь существовала церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, что видно изъ «Отступной записи Гридьки Дружилевича на землю и людей къ церкви Пресвятой Богородицы; эта запись «писана у Витебску, въ лѣто 6.900-ное 14, т. е. въ 1406 году. (Вит. Стар. № 9). Находящаяся въ этой-же мѣстности Воскресенская церковь построена тоже на мѣстѣ одной изъ древнѣйшихъ церквей. Въ 1619 году король Сигизмундъ III, по просьбѣ Полоцкаго архіепа. Юсафата Кунцевича, далъ Витебскимъ мѣщанамъ грамоту, въ которой разрѣшаетъ имъ «направить церковь *опалую* (слѣдовательно, уже раньше существовавшую) заложенья Преображенія Господня съ предѣломъ святого Николая, за рѣкою Витьбою, на посадѣ Узгорскомъ, у пирожномъ ряду». (Вит. Стар. № 47). Эта-то мѣстность и носила (да и теперь носитъ) названіе собственно города (miasto).

Здѣсь-же, въ древнѣйшія уже времена, находился и гостинный дворъ.

«Вопервыхъ, въ самомъ городѣ, говорится въ инвентарѣ 1641 года, гостинный дворъ, на рынкѣ, противъ церкви стоящей, въ который ведутъ большія, вѣчныя (wieczne) ворота, а на верху этихъ воротъ—мезонинъ, на которомъ часы съ большимъ часовымъ колоколомъ; въ самомъ-же гостинномъ дворѣ—кухня съ сѣнями, а насупротивъ малая свѣтелка, *старая*, уже обрушившаяся. Для склада товаровъ пріѣзжихъ купцовъ имѣется семь амбаровъ, а также большой сарай . . . Въ этомъ-же гостинномъ дворѣ—важня, т. е. *старый* сарай, уже обрушившійся, безъ крыши». (Вит. Стар. № 155).

Ратуша также находилась въ этой-же мѣстности. ¹⁹¹⁾

Но та часть Узгорья, гдѣ находится церковь св. Іоанна Богослова, не была заселена еще и въ XVI в., что видно изъ двухъ грамотъ Сигизмунда II, 1522 г., о пожалованіи этой церкви земли на Плоской горѣ, со льготами крестьянамъ, которые поселятся на ней. «Ижъ тая церковь Божая *на поли* *стоитъ за мѣстомъ*». (Вит. Стар. №№ 21 и 22).

Церковь же Іоанна Богослова одна изъ древнѣйшихъ въ Витебскѣ; она построена Іульяніею Александровною, второю супругою Ольгерда, что видно изъ одного документа XVI в. (1546 г.): «Землю на имя Федоровщину еще великая княгиня Оуляна Олкгврдоя подала . . . на церковь Божю (Іоанна Богослова)». (Вит. Стар. № 23)

Задубавье въ концѣ XVI в. было уже заселено; въ началѣ XVII в. тамъ существовала церковь Іоанна Крестителя.

Западная часть Заручевья заселена довольно рано, но восточная часть его не была заселена даже и во второй половинѣ XVIII в. Вотъ что говорятъ Стебельскій, жившій во вт. пол. XVIII в. «Ольгердъ построилъ въ Витебскѣ для своей супруги Іульянн двѣ каменные церкви. Эти церкви существуютъ и до сихъ поръ, одна—въ Нижнемъ замкѣ (Благовѣщенская), а другая въ *полѣ*, за Ручьемъ, или Замковымъ рвомъ, въ честь Сошествія св. Духа». ¹⁹²⁾

Что касается Задвинья, то, кажется, прежде была заселена сѣверная часть его, т. е. та мѣстность, гдѣ находятся церкви св. Іліи. Объ основаніи этой церкви извѣстно слѣдующее: Въ 1447 году, король Польскій Казиміръ, въ память спасенія своей супруги отъ утопленія, что случилось въ день пророка Іліи, велѣлъ построить въ Бѣлоруссіи шесть церквей во имя этого пророка, между прочимъ, и въ Витебскѣ. ¹⁹³⁾

Южная часть Задвинья носитъ названіе *Руси*; почему она такъ называется—я узнать не могъ. Въ этой мѣстности, уже въ началѣ XVII в., существовала церковь Петро-Павловская.

Изъ инвентаря имущества архіепископіи Полоцкой, составленнаго въ 1618 году, видно, что въ Витебскѣ въ то время было двѣ каменныхъ и двѣнадцать

деревянныхъ церквей. Именно:

Вопервыхъ, соборная церковь Успенія Пресвятой Богородицы. При этомъ храмѣ находился «дворъ его милости архіепископскій»; дворъ этотъ былъ «тыномъ стоячимъ огороженъ, свѣтлицъ двѣ, двери и оконницы на завѣсахъ, печи старыя, обolonъ шкляныхъ у водной свѣтлицы три, а въ другой —поперовые; пекарня на противку, съ пекарни коморка, ворота и фортка, стайня, пунька на сѣно, истобка для схованя ярынь, лазня, клѣтъ для збожа, пивница; въ томъ дворѣ будоване все старое и погнилое». (Вит. Стар. № 154).

Въ Верхнемъ замкѣ была церковь во имя св. Архангела Михайла, сгорѣвшая въ началѣ XVII вѣка. Эта церковь принадлежала къ древнѣйшимъ; по преданію, она построена еще княгиней Ольгой. (Вит. Стар. стр. 455). По словамъ Стрыйковскаго (жилъ въ полов. XVI в.), онъ видѣлъ «портретъ Іуліяніи, древняго письма, гдѣ она изображена вмѣстѣ съ мужемъ своимъ Ольгердомъ; портретъ этотъ находился въ древней деревянной, на каменномъ фундаментѣ, церкви, въ Верхнемъ замкѣ.»¹⁹⁴).

Въ Нижнемъ замкѣ были три церкви: «церковь мурованая, въ замку Нижнимъ, заложена Благовѣщенія Пр. Богородицы», построенная Ольгердомъ, и деревянная—во имя муч. Флора и Лавра и «светое Пятницы».

Затѣмъ, въ разныхъ посадахъ были слѣдующія церкви: «светое Троицы; светаго Микола; светаго Іоанна Богослова; церковь Воскресенія Христова, въ рынку; Воскресенія Христова, въ посадѣ Заручайскомъ; церковь мурованая въ поля, заложена Сошествіе Святаго Духа; церковь внизъ Двины, на устью р. Лучосы, заложена Покровъ Пресв. Богородицы; церковь за Дунаемъ, заложена св. Ивана Крестителя; церковь деревянная за р. Двиною, заложена св. Симеона Столпника; церковь деревянная тамъ-же, заложена светаго Петра». (Вит. Стар. стр. 347 и 348).

Кромѣ монастыря Марковскаго, близъ Витебска, въ самомъ городѣ было два монастыря; объ одномъ изъ нихъ, Пречистенскомъ, упоминается въ полов. XVI в. (Вит. Стар. № 25), а о другомъ,—мон. Алексія, челоуѣва Божія,—въ половинѣ XVII вѣка.¹⁹⁵ Гдѣ именно находились эти монастыри—миѣ неизвѣстно.

Ни о числѣ жителей въ Витебскѣ, ни о числѣ домовъ въ немъ нѣтъ ни малѣйшихъ свѣдѣній до половины XVII вѣка.

Въ 1641 году, при дарованіи (вновь) г. Витебску Владиславомъ IV Магдебургскаго права, былъ составленъ инвентарь, изъ котораго можно видѣть, какъ были заселены въ это время разныя мѣстности города. (Вит. Стар. № 155).

Въ посадѣ Узгорскомъ, отъ моста Завитьбенскаго, домовъ 69, пустыхъ мѣсть 6.

Въ переулѣ Богословскомъ 13 домовъ, изъ которыхъ 2 за воротами (вѣроятно, острога).

Въизу, вдоль р. Витьбы, 7 домовъ, и сверхъ ихъ 9-ть огородовъ безъ строеній.

Въ улицѣ Богородицкой д. 25, огор. 90.

Въ улицѣ Подвинской д. 16 и огородовъ 14.

Пушкарскихъ домовъ 8, огор. 5.

Въ посадѣ Песянскомъ (Песковатикъ) домовъ 12 и огородъ.

Всего въ посадѣ Взгорскомъ д. 150, огор. 134.

Въ посадѣ Задунайскомъ жилыхъ домовъ 29, пустыхъ мѣсть и огор. 12.

Въ посадѣ Заручевскомъ д. 34 и огор. 1.

Въ посадѣ Слободскомъ д. 121, огор. 15.

Въ посадѣ Русскомъ д. 24, огор. 4.

Слѣдовательно, домовъ, принадлежавшихъ гражданамъ, во всѣхъ посадахъ было . . . . . 358.

Особыхъ плацовъ и огородовъ . . . . . 62.

Кромѣ того, домовъ, плацовъ и огородовъ, принадлежавшихъ вѣдомствамъ и лицамъ, которыя, на основаніи привелегій, подлежали власти Витебскаго Магистрата, именно: Преосвященнаго архіепископа Антонія Селлявы, въ разныхъ посадахъ г. Витебска, домовъ съ плац. и огор. 180.

Виленскаго капитула . . . . . 27 д.

Пана Самуила Старосѣльскаго, Витебскаго земскаго судьи, въ Русскомъ посадѣ, р. Двиною, домовъ и плацовъ . . . . . 21.

Поповскихъ домовъ и плацовъ съ огород. . . . . 12.

Пропсвѣдника Витебскаго збора (кирхи) . . . . . 6 д.

Ксевдза Яцка . . . . . 3 д.

Разнымъ другимъ панамъ принадлежавшихъ домовъ, плацовъ и огородовъ . . . . . 229.

А всего, за исключеніемъ замковъ, въ Витебскѣ было усадебъ. . 1010.

Такимъ образомъ, владѣнія лицъ вышихъ сословій составляли 590 усадебъ, т. е. большую половину всего города. Такое неравномѣрное распредѣленіе городской недвижимой собственности между лицами разныхъ сословій произошло, по всей вѣроятности, въ нач. XVII в., именно со введеніемъ въ Витебскѣ уніи, а въ особенности по убіеніи архіеп. Иосафата Кувцевича, когда имущество многихъ православныхъ мѣщанъ было конфисковано и поступило частію въ пользу церквей уніатскихъ, частію роздано шляхтѣ. ¹⁹⁶).

Слѣдуетъ замѣтить, что изъ числа 1010 усад. ни одной не принадлежало евреямъ. ¹⁸⁷).

22 Ноября 1654 года, Витебскъ, послѣ 14-ти недѣльной осады, взятъ Василюемъ Петровичемъ Шереметевымъ; городъ при этомъ сильно пострадалъ, замки разрушены, граждане, защищавшіе городъ, разосланы въ отдаленные города Россіи. Въ инвентарѣ 1667 г. заселенныхъ участковъ показано всего 226—таковъ результатъ этого погрома. (Вит. Ст. № 156; ср. № 136 и прим. 56).

Кромѣ безпрестанныхъ нападеній со стороны Русскихъ, причемъ городъ и окрестности всякій разъ были опустошаемы, Витебскъ сильно страдалъ отъ частыхъ пожаровъ. Вотъ наиболѣе опустошительные пожары, о которыхъ сохранились извѣстія.

Въ Новг. лѣт. подъ 6843 (1335 г.) сказано: «погорѣ Витепско».

Въ *Лѣтописи г. Витебска* отмѣчены слѣдующіе пожары:

«Въ лѣто 1614. При пріѣздѣ воеводы Раковского, оба замка въ Витебскѣ сгорѣли.

Въ лѣто 1629. Предъ праздникомъ Русскимъ Введенія во храмъ Пресв. Богородицы, сгорѣла соборная (Успенская) церковь, въ которой сгорѣло также несмѣтное количество золота, серебра, жемчуга, драгоценныхъ вещей, составлявшихъ церковную казну, собранную во время моровой язвы.

«Въ лѣто 1680, мѣсяца Сентября 16 (6) дня, выгорѣлъ Витебскъ—самый городъ, четыре церкви, ратуша и лавки.

«Въ 1698, Августа 15 дня, сгорѣли въ Витебскѣ крыша и колокольня Благовѣщенской церкви и 35 домовъ въ Нижнемъ замкѣ.

«Въ лѣто 1707, въ мѣсяцѣ Маѣ, сгорѣло въ Витебскѣ, возлѣ рынка, 45 домовъ.

«Въ лѣто 1708. Капитанъ Соловьевъ съ 500 конныхъ казаковъ и калмыковъ, мѣсяца Сентября 28 (17) дня, выжегъ цѣлый Витебскъ: замки, городъ, ратушу, лавки, Узгорье, Заручевье, Задунавье, четыре костела, двѣнадцать церквей.

«Въ лѣто 1733, Мая 31 дня, по старому календарю, въ 8-й день послѣ праздника Божьяго Тѣла, выгорѣлъ городъ Витебскъ: рынокъ, лавки и церкви.

«Въ лѣто 1752, Августа 2 дня, выгорѣлъ замокъ, отъ костела всендзовъ Домивикановъ,—Благовѣщеніе, Плебанія, Иезуиты и много домовъ.

«Въ лѣто 1757, Мая 12 дня, по Русскому календарю, выгорѣли Заручевье и большая половина замка; сгорѣли три церкви и два костела.

«Въ лѣто 1757, Іюня 6, начался пожаръ отъ семинаріи; сгорѣлъ остатокъ замка». (Вит. Стар. стр. 458, 459, 461, 464, 466, 467).

Въ дверяхъ Полоцкаго Софійскаго собора записано: «Въ 1762 году, въ

Замки, сильно пострадавшіе и отъ времени, и отъ частыхъ осадъ, были возобновлены во вт. пол. XVI вѣка.

Стефанъ Баторій, въ грам. отъ 23 Ноября 1576 года, изъявляетъ благодарность жителямъ Витебска за возобновленіе въ замкѣ укрѣпленій и съ подтвержденіемъ не обращать впредь такового дѣла имъ въ повинность: «Кгды продокъ нашъ, говоритъ Баторій въ этой грам., король его милость славной памяти Жигимонтъ Августъ съ непріателемъ своимъ великимъ княземъ Московскимъ валку вель, тогда дей тотъ непріатель, в. к. Московскій, неоднократно войска своѣ великіе подъ замокъ Витебскій присылали, хотѣчи его сбурити; а ови (шляхта повѣту Витебскаго, князи и вриадники земскіе), яко вѣрны поданные его королевскоѣ милости, ховаючи вѣру пану своему, и заставляючися статеchnѣ противку тому непріателю, а бачачи то, ижъ тотъ замокъ вельми опалъ и показился, и порозумѣвшися съ твоею милостью (Падемъ), воеводою своимъ, также и сами межа собою намовившися забудовали того замку часть не малую, на самыхъ шанцахъ и пристуѣ непріательскомъ, отъ р. Двины, межи вѣжами новозабудованными *Успенскою и Пречистенскою*». (Вит. Стар. № 29).

Описаніе этого, вновь возобновленнаго, замка оставилъ намъ ротмистръ Витебскаго замка, Александръ Гваньини, въ своемъ сочиненіи: «Описаніе Европейской Сарматіи и пр. ²⁰⁵»). Вотъ то мѣсто, гдѣ Гваньини говоритъ о Витебскѣ:

«Витебскъ, довольно обширный деревянный городъ, лежитъ при славной (insigne) ²⁰⁶ и судоходной р. Двинѣ, по которой сплавляются разнаго рода товары въ Ригу, главный городъ Ливоніи. Въ этомъ городѣ (Витебскѣ) два весьма обширные и, благодаря удобному мѣстоположенію, весьма укрѣпленные замка; одинъ изъ нихъ, расположенный на равнинѣ (in planicie), и обширностію равняющійся городу,—называется Нижнимъ замкомъ, а другой—Верхній замокъ—лежитъ на довольно возвышенномъ холмѣ. *Оба эти замка укрѣплены башнями и стѣнами, которыя построены изъ дуба* (propugnaculis et parietibus ex roboribus extractis) и вполнены землю и камнемъ; замки достаточно снабжены военными снарядами и камнеметательными орудіями.

«Мимо замковъ и города (cum civitate) протекаетъ р. Двина, въ которую, подъ самымъ замкомъ, впадаетъ р. Витьба (Viczbа). Этотъ замокъ изъ всѣхъ пограничныхъ Литовскихъ замковъ представляетъ самый надежный оплотъ (propugnaculum) противъ вторженія Московитовъ, такъ какъ онъ расположенъ у самой непріательской границы; часто Московиты были отражаемы отъ него и (всякій разъ) удалялись съ великимъ урономъ. Въ этомъ замкѣ постоянно находятся 4 ротмистра, или капитана пѣшихъ войскъ, въ числѣ которыхъ считается мой отецъ, Амвросій Гваньини, и я, командовавшій въ

теченіи 10 лѣтъ отрядомъ, состоящимъ изъ 500 человекъ. Этотъ городъ былъ нѣкогда княжествомъ и имѣлъ своего независимаго князя (*sui juris principem*), а теперь считается воеводствомъ. Знамя, которое на концѣ раздвоено, зеленого цвѣта съ гербомъ в. к. въ бѣломъ полѣ». ²⁰⁷).

Къ этому описанію, сдѣланному Гваньини, слѣдуетъ прибавить слѣдующія, основанныя на документахъ конца XVI и начала XVII в., свидѣнія, касающіяся замковъ:

Въ Нижнемъ замкѣ было три «брамы» (ворота), а именно: «брама Завитебное» (Завитебская), — «Заручевская», и «Задунавская».

У подошвы холма, на которомъ былъ расположенъ Верхній замокъ, шла, повидимому, главная улица, какъ это видно изъ одного документа 1594 года: (Продано мѣсто) «лежащее въ замку господарскомъ Нижнемъ Витебскомъ, подлѣ брамы Завитебное, подлѣ улицы великое, идущи съ замку Витебскаго Нижняго на мѣсто, за рѣку Витбу» ²⁰⁸).

Стѣна Верхняго замка шла по лѣвому берегу р. Витьбы до ея устья; у самаго устья этой рѣки была угловая башня, носившая прежде названіе «Устьянской» (вѣроятно, отъ устья р. Витьбы), а потомъ — «Успенской» (т. е. она находилась противъ Успенской церкви, стоящей на пр. бер. Витьбы); отъ этой башни стѣна шла берегомъ р. Двины, мимо нынѣшняго дома Дворянскаго Собранія, до другой угловой-же башни — «Пречистенской» (противъ церкви «Благовѣщенія Пречистое»), гдѣ сходились стѣны обонхъ замковъ ²⁰⁹); отъ этой башни, одна стѣна поворачивала влѣво на Замоковую гору, другая же стѣна, идя берегомъ Ручья, доходила до «брамы Задунавской», (гдѣ теперь дамба); дойдя до Витьбы, стѣна поворачивала влѣво и, продолжая идти берегомъ Витьбы, доходила до «брамы Завитебное»; здѣсь стѣна Нижняго замка соединялась съ башнею Верхняго замка. На этой-то башнѣ находился колоколь, вѣсомъ девять пудовъ и тридцать фунтовъ, называемый *набатнымъ* (Вит. Стар. № 156).

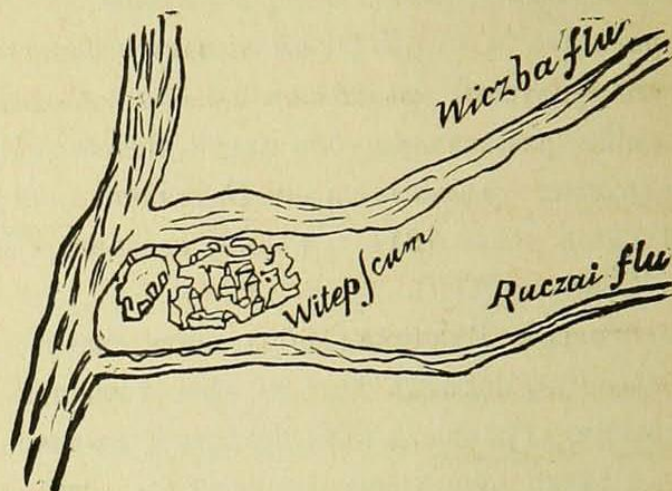
Замки въ такомъ видѣ, какъ описалъ ихъ Гваньини, оставались не долго. Уже въ самомъ началѣ XVII в. мѣщане Витебскіе опять «одну часть замка работали и направляли». (Вит. Стар. № 45).

«Затѣмъ, во время осады Витебска Шереметевымъ, въ 1654 году, замки были почти разрушены; Русскіе старались привести ихъ, по возможности, въ прежнее положеніе. Въ «отпискѣ» Смоленскаго воеводы, кн. Бориса Рѣпина, къ «Микитѣ Михайловичу съ товарищи» говорится:

Въ нынѣшнемъ во 168 (1660) году, апрѣля въ 9 день, писали вы, господа, ко мнѣ въ Смоленскъ, что вы въ Витебску мѣщаномъ, по моей отпискѣ, указъ великаго государя сказали, и въ Витебской уѣздѣ великаго государя въ отписные волости, и во архіепискупли и въ монастырскіе и въ шля-

же, чѣмъ писалъ Гваньини, а именно въ 1660 г., то здѣсь говорится о Верхнемъ каменномъ городѣ, вѣроятно, потому, что у жителей, по старой памяти, ²¹⁰), онъ все еще слылъ каменнымъ, а на самомъ дѣлѣ этотъ замокъ уже давно не былъ таковымъ; на это намеваютъ и слѣдующія слова самой этой «отписки»: «въ Вышнему каменному городу въ подѣлкѣ велѣлъ мѣсь готовить», а не камень. (Ср. Вит. Стар. № 136 и прим. 56).

Къ величайшему сожалѣнію, кажется не сохранилось ни рисунка, ни плана Витебскихъ замковъ. Только на картѣ, составленной Пахоловицкимъ въ 1579 году, для кор. Стефана Баторія, находится небольшой чертежъ мѣстности, на которой расположены Верхній и Нижній замки. ²¹¹).

Напрасно любопытствовалъ бы кто-либо взглянуть теперь на остатки Витебскихъ замковъ. Въ вѣковомъ спорѣ «Славянъ между собою», когда

«Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона»,

Витебскъ, этотъ «оплотъ», на которомъ «опиралась сила Ръчи Посполитой», всегда принималъ на себя первые удары противниковъ; частые пожары, особенно 1614, 1708, 1752 и 1762 г., также разрушительно дѣйствовали на замки; а что уцѣлѣло отъ вепрительскихъ нападений и пожаровъ, то впоследствии разобрано жителями на постройку домовъ и мощеніе улицъ.

На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ древле красовались исторически-достопамятныя твердыни Верхняго замка, тамъ теперь (съ 1880 г.) возвышается величественное зданіе гимназіи. Гдѣ прежде раздавались побѣдные клики побѣдителей и вопли побѣжденныхъ, тамъ теперь раздается спокойное слово науки. Исчезла крѣпость, бывшая долгое время символомъ насилій и розни двухъ родственныхъ, но, въ силу историческихъ данныхъ, долгое время враждовавшихъ народовъ—Русскаго и Польскаго; исчезъ замокъ Ольгерда, но вмѣсто него красуется храмъ науки, залогъ мира и братскаго единенія.